

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Екатерина
ДИБРИВСКАЯ

The background of the book cover is a detailed illustration of a man and a woman in a rustic cabin. The man, on the left, has a full dark beard and is wearing a plaid shirt. The woman, on the right, has long brown hair and is wearing a light-colored sweater. They are both looking towards the viewer. The cabin has large windows showing a snowy mountain landscape and a fireplace with a fire burning in the background.

БЫВШИЕ
Для меня
Я ВОССТАНУ ИЗ ПЕПЛА

Екатерина Дибривская

**Бывшие. Для тебя
я восстану из пепла**

«Литнет»

2023

Дибривская Е.

Бывшие. Для тебя я восстану из пепла / Е. Дибривская —
«Литнет», 2023

Пережив семейную трагедию, Глеб бросает привычную жизнь и уезжает на Алтай работать в высокогорном спасательном отряде. Он убеждён, что не заслуживает второго шанса, права на него не имеет. Но всё меняется в день, когда во время очередного осмотра местности мужчина находит сорвавшуюся со скалы молодую женщину. Она не помнит своего прошлого, не помнит даже собственного имени, но Глеб узнал бы её, даже ослепнув. Ведь Лада – так зовут девушку – его давняя любовь, которую он винит во всех драмах своей жизни... В тексте: ✓ герои с непростой судьбой; ✓ встреча бывших спустя десять лет; ✓ откровенные постельные сцены; ✓ работа над ошибками прошлого; ✓ хэ, невзирая ни на что!

© Дибривская Е., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Лада	6
Глава 2. Глеб	13
Глава 3. Глеб	20
Глава 4. Глеб	27
Глава 5. Лада	33
Глава 6. Лада	40
Глава 7. Глеб	50
Глава 8. Глеб	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Пролог

– Ты знала! – рычит он. Не спрашивает. – С самого начала знала, кто я такой! Зачем притворялась, будто ничего не помнишь? Снова затеяла играть в свои игры, Лада?!

Его строгий взгляд метает молнии, мягкие и нежные губы сейчас сжаты в тонкую, презрительную нить. Ненависть, озлобленность, исходящие от мужчины, вызывают у меня на душе шторм, целую бурю эмоций, подобную быстрым шумным водам Катуня у подножия скал.

– Я просто пыталась тебе помочь, Глеб, – шепчу с сожалением. – Я же вижу, как ты страдаешь, как тяжело тебе пережить то, что произошло...

– Не смей! – грубо перебивает мужчина. – Никогда не смей даже думать на эту тему! Ты ни черта не знаешь обо мне. Ты, твоя поганая семейка – это вы виноваты в том, что случилось! Мне никогда не пришлось бы тащить этот груз из вины и сожалений, если бы я не встретил тебя, маленькую испорченную эгоистку, которая решила погулять на стороне перед свадьбой!

Я задыхаюсь. Перед глазами всё плывёт. Сердце устремляется вниз. Кажется, перестаёт биться вовсе. Во рту пересыхает. Закладывает уши, словно я снова падаю в бездну.

– Да как ты смеешь?! – кричу нечеловеческим голосом, бросаясь на Глеба, мужчину, которого люблю с восемнадцати лет. Который бросил меня после первой и единственной ночи, хотя обещал, что всё только начинается. – Ты бросил меня! Уехал, даже не попрощавшись, ничего мне не объяснив... Ты женился, Глеб. Пока я хотела сдохнуть от боли твоего предательства, ты просто строил своё счастье с другой...

Хочу отвесить ему звонкую пощёчину, но он перехватывает мою руку, и, сжимая её почти до боли, резко притягивает к себе.

– Что же с нами случилось, Мармеладка? – с горечью выдыхает Глеб в мою макушку, и я захожусь в рыданиях, услышав милое прозвище из прошлого.

Того прошлого, где я была так счастлива, где верила, что он, этот мужчина, будет со мной навсегда.

Того прошлого, которому не оставили ни единого шанса стать настоящим, если бы судьба снова не толкнула меня в его, Глеба Давыдова, объятия.

Глава 1. Лада

Бесконечное звёздное небо. Угадываются тёмные вершины гор. Холодный воздух пахнет травами, тонкие цветочные нотки растворяются в густом тумане. Горячие губы жалят, дурманят, вызывают запретные, порочные желания. Крепкие ладони скользят под тонкий хлопковый сарафан, обхватывают ягодицы, несильно сжимают, отчего низ живота сводит судорогой...

– Что желаете: рис с курицей или пюре с котлетой?

Сон обрывается внезапно. Нехотя открываю глаза и натыкаюсь на взгляд своего мужа.

– Чего ты хочешь на обед?

“Развестись”, – вертится на языке, но я поворачиваюсь к стюардессе и переспрашиваю:

– Какие варианты?

– На выбор: рис с курицей или пюре с котлетой, салат “Оливье”, шоколадный маффин, чай или кофе.

– Давайте рис с курицей, – решаю я. – Спасибо.

Стоит ей выставить перед нами порции и отойти, как Лёша говорит:

– Приятного аппетита. – И, не сдержавшись, поддевает: – А могли бы сейчас обедать в любимом ресторане, но тебе же приспичило полететь в отпуск на Алтай!

Идея поехать хоть куда-нибудь – всё равно куда – пришла в голову моей матери. Как идеальное средство, чтобы вдохнуть новую жизнь в мои ухудшающиеся из года в год отношения с мужем. Наш брак трещал по швам, и я знала, что нет никакого средства, чтобы его склеить. Мы просто никогда не любили друг друга и вынужденно притворялись идеальной парой десять лет. Поэтому все вокруг, включая маму, считали, что мы живём душа в душу. Поэтому, когда я подняла тему развода, мама настояла, чтобы я предприняла ещё одну попытку наладить отношения с мужем. Поэтому мы летим в самолёте через полстраны.

Алтай же я выбрала неслучайно. Понадеялась, что возвращение в эти места всколыхнёт ускользающие от меня за давностью лет воспоминания, которые я свято хранила, ценила и берегла, несмотря на всю пережитую боль. Когда-то помнила так ясно, словно только вчера было, а теперь детали начали путаться, картинки – терять чёткость, я стала забывать целые фрагменты разговоров. И испугалась, что вскоре не останется ничего, что я так и не смогу понять, почему всё это тогда произошло.

Вяло поковыряв вилкой в еде, отставляю контейнеры, толком ничего не поев, и прикрываю глаза в надежде снова вернуться в то же место. Но остаток полёта проходит в темноте и пустоте.

Трансфер до базы отдыха. Всю дорогу я смотрю в темноту, пытаюсь разглядеть очертания гор, но вижу лишь своё отражение. Покрасневшие глаза, тусклые и печальные, слишком бледная кожа лица. Уголки губ опущены вниз. Я уже и не помню, когда искренне улыбалась в последний раз...

– Там хотя бы есть удобства? – вклинивается в мои мысли Лёша. – Или придётся ходить в общий туалет с дыркой в полу?

– Я забронировала домик класса “Люкс”, – отвечаю, даже не поворачиваясь к мужу. – Там есть всё, что только можно пожелать, в том числе вай-фай, мини-бар и джакузи на террасе с видом на горы и Катунь. Это престижный горнолыжный курорт, а не село в Тьмутаракани, Лёш, в этих местах сейчас вся Москва отдыхает. Это новый тренд, потому что Сочи им уже порядком надоел.

– Ну раз вся Москва!.. – цинично цедит он, и начавшийся было разговор исчерпывает себя, едва начавшись.

“Нужно просто развестись, – приходит в голову. – Плевать на отцовскую фирму, если Лёша действительно сможет её отсудить. Матери хватит с лихвой денег на счетах до конца жизни, а я придумаю что-нибудь. Я больше так просто не могу!..”

Но вслух говорю:

– Мы уже почти приехали. На ужин пойдём в ресторан или закажем прямо в домик?

– В домик, – отвечает он, и я удивляюсь.

В последний год Алексей пропадал на работе 24/7, практически не появлялся дома, возникая в моей жизни только по случаю официальных мероприятий или воскресных обедов с моей матерью. Мама считала, что так он переживал стресс после моего последнего выкидыша. Я же думала, что причина кроется в другом. И оказалась права.

Две недели назад я застала их в кабинете. Секретарша отлучилась на обед – я видела её, проезжая мимо офиса. Решила заскочить к Лёше, раз всё равно выехала в город, беспрепятственно вошла в здание – все сотрудники знали, кому принадлежит фирма по бумагам, тихо открыла дверь в кабинет генерального директора и увидела, как муж трахает какую-то девку прямо на отцовском столе. Тихо прикрыла дверь и уехала.

Я не почувствовала ничего: ни ревности, ни злости, ни жалости к себе. Только удовлетворение, что догадка себя оправдала.

Ужинать мы сели по раздельности. Я – прямо на веранде, усыпанной золотым свечением гирлянд, игнорируя сырой влажный ветер, непроглядную темноту осеннего вечера, собственные стучащие друг об друга зубы.

Лёша раскупорил бутылку коньяка, устроился прямо перед телевизором в гостиной на первом этаже. Когда я отправилась спать, он ещё пил, даже не притронувшись к еде.

Идея совместной поездки всё настойчивее казалась мне провальной. С неясным предчувствием я легла спать. Проснулась с рассветом. В пустой постели было холодно, и я отправилась в душ, чтобы согреться.

Стоя под горячими струями воды, более мягкой, чем в нашем доме в ближайшем Подмоскowie, я принимаю окончательное решение. Сегодня я поговорю с мужем о разводе.

Лёша обнаруживается в гостиной, спящим на диване во вчерашней одежде. Несколько минут я смотрю на него, раздумывая, стоит ли укрыть его пледом или и так перебьётся, но просто проскальзываю мимо, в спальню, одеваюсь и выхожу на улицу.

С час гуляю по территории, поглядывая на великолепный, завораживающий вид гор в осеннем убранстве. Яркие жёлтые и красные мазки поднимают настроение, приносят в мою жизнь немного уюта, ощущения спокойствия, гармонии, счастья. Природа действует как бальзам на мою израненную душу.

На завтрак я отправляюсь в ресторан. С удовольствием съедаю порцию блинов со свежими ягодами и шоколадным сиропом, выпиваю чашку травяного чая. Беру порцию омлета с беконом на вынос для Алексея. Возвращаюсь нехотя, длинной дорогой вокруг всей территории.

– Я принесла тебе завтрак, – оповещаю проснувшегося Лёшу. Смотрю на нетронутую тарелку с ужином, но никак не комментирую.

– Что там?

– Омлет с беконом. Заварить тебе чай или сделать кофе?

– Кофе. Спасибо. – на автомате отвечает он. – Я в душ, минут через пятнадцать подашь.

– Я хочу пойти на прогулку по горной тропе, – ставлю его перед фактом. – Пока ясно и нет туч.

– Позавтракаю, и пойдём, – отвечает муж, вызывая у меня удивление.

Но я ничего не говорю. Тем лучше. В спокойной и прекрасной обстановке, в тишине осеннего леса, где нет ни единой души, я уверена, нам удастся поговорить без переливания из

пустого в порожнее. Обсудим варианты, подберём компромиссное решение, которое устроит нас обоих.

“Неужели, – думается мне. – Он сам не устал так жить?”

За десять лет три безуспешные попытки родить ребёнка. Бесконечная вереница врачей. Анализы. Исследования. Диагнозы. Зачем ему мучиться дальше, если я прекрасно понимаю, что причина во мне?

Мы даже не живём фактически вместе. Уже давно, едва я выписалась из клиники после чистки замершей беременности, он съехал в московскую квартиру, а я осталась в огромном доме одна. Жила в одной комнате, изредка посещая кухню, почти не готовила, лишь разогревала блюда из заказанного плана питания, которые мне доставляли раз в три дня. Меня устраивало затворничество, меня угнетали вынужденные поездки с мужем на разные корпоративные мероприятия, меня бесили традиционные обеды с матерью. Первые пару месяцев после больницы мне удавалось отказываться от встреч по причине слабости, плохого самочувствия, душевных переживаний, а потом пришлось снова выйти в свет. Но был и неоспоримый плюс: Лёша больше не интересовался мною физически. Очевидно, окончательно разочаровался из-за моей неспособности выносить ему наследника и нашёл для этого кого-то более подходящего.

Через пятнадцать минут я выставляю на столик подогретый омлет и чашку чёрного кофе без сахара. Лёша выходит из душа в одном лишь полотенце, и я едва сдерживаюсь, чтобы не попросить его одеться.

“Потерпи ещё немного, Лада”, – призываю себя.

Я не стану ждать до завтра или до конца отпуска. Всё должно решиться сегодня.

– Так куда именно ты хочешь пойти? – спрашивает муж, когда мы выходим из домика на залитую солнцем поляну, полностью экипированные для прогулки.

Я регулирую лямки рюкзака и указываю направление.

– Вон там, чуть левее, видишь плато? Оттуда открывается просто невероятный вид.

– Ты собралась карабкаться на скалу? – скептически спрашивает Лёша.

Я закатываю глаза и терпеливо отвечаю:

– Туда ведёт хорошая туристическая тропа. Я следила за постами в соцсетях всю неделю, чтобы убедиться, что ничего не размоет до нашего приезда. Всё в порядке, местный гид сказал, что это популярный пешеходный маршрут, поэтому там безопасно.

– А реку эту ты вплавь будешь преодолевать?

– Зачем вплавь? – удивляюсь я. – Через три километра навесной мост, доедем до него на такси, перейдём на ту сторону и начнём восхождение. Там идти-то всего-ничего, около восьми километров протяжённость тропы до смотровой площадки. Туда-обратно займёт часов шесть, если придерживаться нормального темпа.

– Н-да, – цокает Алексей. Я уже хочу предложить ему остаться, ей-богу, проще пойти одной, чем слушать его нытьё всю дорогу! Но он первым направляется к стоянке такси.

Найти желающего отвезти нас к мосту труда не составляет. Мы берём у водителя две визитки, чтобы вызвать его, как будем снова у моста. Всю непродолжительную поездку добродушно улыбающийся Саня – так представляется таксист – травит байки, которые Лёша слушает со скукающим видом, а я пропускаю мимо ушей.

– Будьте аккуратнее, – предупреждает Санёк на прощание. – Гроза надвигается. Если тучи начнут сгущаться, не идите до конца, сразу разворачивайтесь.

Я внимательно изучаю небо, на котором сейчас нет ни облачка, и выдавливаю улыбку:

– Спасибо, мы вам обязательно позвоним.

– Спасибо за совет, дружище! – хмыкает муж, но простоватый парень не замечает иронии. А стоит таксисту отъехать, как Лёша припечатывает вслед: – Тупой деревенщина.

Ничего не говоря, прохожу мимо и уверенно ступаю на покачивающийся мост. Внизу, в щелях между толстыми досками, прямо под моими ногами бурлит горная река. Вода какого-

то нереального бирюзового цвета шумным течением врезаются в камни, в скалистые берега, извивается, меняет направление, чтобы воссоединиться снова, когда препятствия миновали.

Я держусь за стальные тросы обеими руками и делаю шаг за шагом. Чем ближе я к середине моста, тем больше его качает и шатает. От тяжёлых шагов Алексея деревянное покрытие под ногами часто подпрыгивает в такт. Мне даже кажется, что он делает это специально – чтобы позлить или ребячества ради, я не знаю, но мне становится тревожно. Впрочем, тревога постепенно спадает, стоит ступить на твёрдую поверхность противоположного берега реки.

Мы уходим по вытоптанной тропе всё глубже в лес. Здесь ещё влажно после тумана, но на дорожке нет грязи, ноги не проскальзывают по земле. Среди вечнозелёных сосен яркими красками взрываются жёлтые листья берёз и клёнов. Разогревающийся от солнечных лучей воздух пахнет хвоей, сухой травой, горной свежестью. Я судорожно вздыхаю его на полную грудь и медленно выпускаю.

Где-то через час тропинка резко вихляет вверх. Лёша берёт меня за руку и идёт первым. Моя рука в его ладони ощущается странно. Я уже отвыкла от тесных телесных контактов с кем-либо.

Муж затаскивает меня на первую горку и отпускает мою руку. Мы идём дальше. Иногда перебрасываемся незначительными фразами, вроде: “Смотри, какой вид” или “Интересное растение”, немного обсуждаем эту тему и снова надолго замолкаем. Лицо супруга постепенно разглаживается, и вскоре Лёша даже начинает насвистывать бодрый мотивчик.

Чем выше мы поднимаемся, тем больше сгущаются облака, а тропинка – сужается. Твёрдая земля под ногами всё чаще перемежается скользкими камнями. Наступать на них не особо приятно – ноги так и норовят разъехаться в разные стороны.

Температура понижается, а до облаков, кажется, можно дотянуться руками. Я смотрю под ноги, чтобы не запнуться, изредка бросая взгляд по сторонам. Тропа проходит в каких-то полуметрах над резким обрывом и убегает всё ближе к краю.

Здесь проходит самый опасный участок пешего маршрута – между выдающейся вбок скалой и обрывом, о чём свидетельствует предупреждающая табличка. Несмотря на то, что тропа достаточно широкая, чтобы пройти нормально, я всё равно начинаю двигаться более медленно и плавно, практически семеня бочком.

Лёша оборачивается взглянуть на меня.

– Лада, ты как? Нормально?

– Да, всё хорошо.

– Давай руку, трусишка! – усмехается он. – От страха-то, поди, коленки трясутся?

– Есть немного, – сдержанно улыбаюсь ему.

Обхватываю протянутую руку, и Лёша проводит меня по этому участку. А за поворотом поджидает неприятный сюрприз. Видимо, произошёл какой-то сход горных пород – тропа прерывается из-за груды камней, палок и прочего мусора. Зато начинаются подвесные мостки, чтобы обогнуть препятствие.

– Хочешь пойти вперёд? – спрашивает муж, пока я изучаю хлипкую на первый взгляд конструкцию. – Могу пойти первым...

– Давай.

Лёша уверенно ступает на мост, немного отходит и говорит мне:

– Иди следом, почти не качает даже.

Я до побеления сжимаю руки вокруг натянутых тросов и медленно продвигаюсь по мосту. На противоположной стороне – тоже на горе – практически сразу начинается второй мост, возвращающий обратно на тропу, уже за обвалом.

– Можем немного передохнуть? – спрашиваю у Лёши.

– Конечно, – пожимает он плечами.

Я скидываю со спины рюкзак, достаю из него термос с чаем и наливаю себе и мужу.

Плюхаюсь на пожухшую траву, опираясь спиной о шершавую кору дерева.

Некоторое время пью чай в тишине, нарушаемой лишь редким пением птиц да тихим шорохом опадающей листвы.

Алексей заканчивает первым. Протягивает обратно стакан и спрашивает:

– Зачем мы сюда приехали на самом деле, Лада?

– Мне нужно было сменить обстановку, – отвечаю ему, набираясь храбрости, чтобы высказаться до конца. – Устала... Так смертельно устала, Лёш...

– От чего ты устала? От сидения дома? – с усмешкой спрашивает он. – Так найди себе хобби – абсолютно любое, в средствах мы не стеснены. Когда делом занят, устать, знаешь, как-то особо некогда!

– Я не физически устала, Лёша. – протягиваю в ответ. – От жизни такой устала. Устала изображать счастливую жену, когда мы даже не живём вместе. Ну неужели тебе самому не надоело тащить меня за собой? У тебя же есть кто-то, Лёш... Я знаю, я видела вас в офисе...

Мой голос опускается до шёпота.

– В этом всё дело? – хохочет муж. – Ну да, я тебе изменяю, Лада. Только не говори, что тебе не всё равно! – Мне всё равно, но я молчу. Должна вопить, должна топтать ногами, требуя развода, но молчу. – А может, я поэтому и изменяю, не думала? Ты жеспать со мной не хочешь. Подчиняешься, уступаешь, но ни разу за все эти грёбаные десять лет ты этого не хотела по настоящему! Вот уж повезло, так повезло! Я думал, ты настоящий алмаз – возьми да ограни! Девственность до свадьбы берегла, чистая, светлая, непорочная... Думал, научу тебя всему, чего душа только пожелает. А ты никакой не алмаз, Лада. Стеклашка обыкновенная. Пустышка! Сухая, пресная, неинтересная... Фригидная девственница! Даже мужу дать нормально не в состоянии. Но это даже половина беды, Ладка. Хуже другое.

Я слушаю молча. Не возражаю, не плачу – Боже упаси! Он абсолютно прав.

Моё счастье было слишком непродолжительным и разлетелось с громким звоном, словно хрустальная ваза. И после этого я даже отдалённо не испытывала ничего подобного в реальности. Лишь в своих снах.

– Хуже то, – продолжает Лёша, – что ты даже ребёнка мне родить не в состоянии. Ты совершенно бесполезное приложение к фирме своего покойного отца. Кукла, красивая и неживая, которая годится, разве что, в качестве “плюс один” для выхода в свет. Больше ты ни на что не годишься, Лада!

– Так давай разведёмся, – спокойно предлагаю ему. – Ты сможешь быть с той, с которой тебе приятно и интересно проводить время, с кем тебе нравится спать, кто родит тебе детей...

– Это исключено, и тебе это известно не хуже меня! – кричит муж. – Никакого развода не будет. Никогда!

Я кусаю губу. Внутри разливается разочарование, но я предпринимаю ещё одну попытку:

– Лёш, мы можем оформить как-то документально, мы обязательно найдём выход. Мне ничего не нужно, ты же прекрасно это знаешь.

– Лада, тупая ты кукла, – со злостью цедит он. – Мы не можем ничего оформить документально! Не можем, прими это как данность и скажи спасибо своему папочке, он хорошо позаботился о твоём благополучии!

Виски начинает ломить от накатывающей волнами головной боли.

– Пусть так. Я могу продолжать числиться по бумагам владелицей компании, но заправлять всем всё так же будешь ты. Мне ничего не нужно, маме назначишь приличное содержание, собственную прибыль сможешь тратить по своему усмотрению... Ничего не изменится, просто мы больше не будем вынуждены играть в счастливую семью.

– Ага. Всё будет так же, – издевательски протягивает Алексей. – Конечно, Лада. Ничего не изменится. Ровно до того момента, пока тебя не окучит какой-нибудь деятельный и ушлый мужик и не турнёт меня из компании, которой я отдал десять лет своей жизни, продвинул

хорошенько вперёд, вывел на новый уровень, увеличил штат сотрудников почти в десять раз и в тысячи – обороты!.. Это *моя* компания, Лада. А ты – моя жена. Я подписался под всё это на таких условиях и не собираюсь ничего менять.

– Неужели тебя не интересует ничего, кроме денег? А как же счастье, Лёш? Как же обычное человеческое счастье?! – вопрошаю я, больше не в силах сдерживать слёз.

Я больше так не могу. Не могу! Меня душит такая жизнь. Господи, ну зачем папа это сделал? Зачем оформил чёртовы бумаги таким образом, что я не имею права передавать их никому, даже своему мужу?! Что за странный способ сохранить своё наследие и полностью разрушить мою жизнь?!

– А я и счастлив, Ладушка. Просто невероятно счастлив! Да я же чёртов везунчик! Едва окончил экономическую школу Кембриджа, встал во главе перспективной компании, женился на такой красавице, которая досталась только мне... – его слова звучат с насмешкой. – Я раньше думал, что ещё нужно, Лад? Мы были так молоды, самое время влюбляться, предаваться страсти... Да ты же ни одного шанса мне не дала. Так что да, Лада. Я тебе изменяю. Со страстной девушкой, которой нравится секс. Я тебе больше скажу: она беременна. Она родит моего ребёнка. А воспитывать его будешь ты, радость моя, раз сама мне родить не в состоянии!

Я морщусь:

– Ты чудовище, Лёш. Самое настоящее чудовище. А о ней, любовнице своей, ты подумал? Думаешь, ей не хочется выйти замуж за отца своего ребёнка, жить с ним вместе, воспитывать вместе этого ребёнка?..

– Она получит щедрые откупные. Это просто секс, Лада. И просто аналог услуги суррогатного материнства. Я ничего не собираюсь менять в своей жизни. Не собираюсь рисковать успешной предпринимательской карьерой ради бабы, с которой сплю и которая от меня залетела. Ты хотела ребёнка? Ты его получишь. Не столь важно, откуда взялся младенец, он будет моим... и твоим.

Я поднимаюсь. Собираю термос. Начинаю монотонно складывать в рюкзак выложенные вещи.

– Я не хочу и не буду воспитывать чужого ребёнка. И быть твоей женой я тоже больше не хочу!..

– Нет, Лада. – холодно говорит муж. – Ты будешь. Будешь моей женой. Будешь воспитывать моего ребёнка. Как ты помнишь, у тебя нет другого выхода. Всё, что ты сейчас имеешь, сделал я. Это я пахал как проклятый, чтобы развить дело твоего отца. И уступать его никому другому я не собираюсь!

– Выбор есть всегда, – отвечаю ему с отчаянием. – Должен быть. Иначе зачем вообще жить? Я сама найду юристов, чтобы обеспечить тебя всеми необходимыми гарантиями, что на твоё заслуженное место на фирме никто никогда не сможет претендовать, но дальше так продолжаться не может. Я просто не могу и дальше продолжать быть твоей женой. Женой вообще... Я устала, Лёша. Не хочу больше играть на публику. Да я жить не хочу, как ты не понимаешь? Мне невыносимо так существовать!

В глазах мужа появляется мрачная решимость, когда он начинает наступать на меня.

– Невыносимо? Не мил я тебе? Ни капельки чувств за десять лет отыскать в себе не смогла? – Он подходит ближе. Я отступаю назад. – А ты пыталась? Или сразу решила не оставлять мне никаких шансов? Да ты же просто эгоистичная избалованная стерва!

Неожиданно он со злостью толкает меня в грудь. Почва как-то внезапно уходит из-под ног, и я лечу, задевая мысками трекингов торчащие на небольшом склоне камни, пытаюсь снова нащупать опору, но разверзнувшаяся пустота за моей спиной слишком хочет меня поглотить.

Немного удивлённо смотрю в перепуганное лицо мужа. Понимает ли он, что убил меня? Желал ли этого или сделал непреднамеренно? Получит ли теперь вожаемый доступ к акциям, как единственный законный наследник первой очереди?

Уши закладывает. Сердце сжимается от страха. Адреналин насыщает кровь. На короткое мгновение я испытываю настоящее счастье и улыбаюсь Лёше. А потом он отступает назад и его образ скрывается за краем скалы.

Полёт кажется бесконечным. Я закрываю глаза, вспоминая любимые руки и губы, пытаюсь воссоздать в памяти знакомое до каждой чёточки лицо...

Тело врежется в ветки деревьев. Что-то хрустит, ломается – возможно, это мои кости, потому что боль, которая вспыхивает везде разом, невозможно описать словами, – а от жёсткого соприкосновения с землёй мир и вовсе перестанет существовать, и в этой темноте наконец больше нет абсолютно ничего.

Тусклый свет совсем не похож на свет в конце туннеля. Он подобен нарастающей вспышке, ослепляющей, вызывающей нестерпимую головную боль. И там, за этим светом, я различаю образ, явившийся ко мне из прошлого.

Это рай или ад?

Господи, какая, к чёрту, разница, если здесь меня встречает Глеб!

Я хочу улыбнуться. Хочу протянуть руку, чтобы коснуться его лица, испещрённого морщинами. Хочу узнать, какая на ощупь его густая борода. Но свет исчезает, забирая у меня и придуманный образ мужчины из прошлого.

Глава 2. Глеб

“Позывные дождя в полутёмной беседке.

Осень тянется в запертой клетке

Долго, долго до самой весны.

Ты узнаешь её из тысячи

Её образ на сердце высечен.”

(примечание автора: слова песни группы Корни

“Ты узнаешь её”, автор текста (слов): Жагун П.)

Когда в сырой взвеси, осевшей в ущелье, начинает явственно накрапывать дождь, я вздыхаю и зову своего пса:

– Бимка, домой! Где дом?

Он наостряет уши, но устремляется вперёд, всё дальше отдаляясь от меня, уходя всё дальше от дома.

Я осматриваю расположение низких туч и хмурюсь. Сейчас вольёт! Размоет все тропы, дороги. Как бы беды не случилось! Тяжёлые будут ближайшие пару дней.

Бимка, он же вельш-корги пемброк с заковыристым именем из родословной – Бартоломью Бимо Алтай Принц Кузбасский – изредка оборачивается на меня с фирменной улыбкой и словно подмигивает одним глазом, мол, давай, пап, догоняй. Его должны были поить воображаемым чаем из кукольных чашечек на светских приёмах и балах среди других игрушек; он должен был задорно бегать по детским площадкам, должен был догонять по дорожкам парка удаляющиеся велосипеды или катиться, высунув от удовольствия язык, в забавном шлеме в корзинке одного из них... Он должен был принимать участие в выставках, а не месить грязь где-то в горах Алтая. Но пёс принимает жизнь такой, какая она есть, какая доступна. Ему нравится просто бежать по лесу, вот и тянет меня всё дальше и дальше, невзирая на погоду. В отличие от меня, он не может представить, какой была бы его жизнь, если бы не стечение обстоятельств.

Ещё некоторое время я уступаю, следуя за псом. Но когда дождь усиливается, я добавляю в голос стали и кричу:

– Бимо, а ну возвращайся назад!

Этот негодник со скулежом бросается в противоположную от меня сторону – дальше по едва различимой тропе, и я ускоряюсь, чтобы догнать пса и взять на поводок. Однако перед развилкой он плюхается на зад, наклоняет голову набок, пасть растягивается в улыбку, и Бимка высовывает язык.

– Ах, ты, негодник! – щёлкаю ему по носу пальцем. – Непослушный мальчик! Сказано: домой, значит, домой.

Раскрываю карабин, но только собираюсь пристегнуть поводок к ошейнику, как Бим улетывает в сторону кустов. И снова плюхается на зад.

– Думаешь, я играть с тобой буду? Нет, Бимо, скоро будет ливень. Нам нужно возвращаться. Дома покидаю тебе мяч. – обещаю ему. Пес пятится назад, просяще поскуливая. Я качаю головой и говорю: – Ну уж нет! И шагу больше не ступлю. И вообще, я разворачиваюсь и ухожу один. Хочешь, оставайся тут один.

Усмехаясь себе под нос, разворачиваюсь и правда делаю несколько шагов от Бима, но всё же оглядываюсь. А его уже и след простыл. Чертыхнувшись, снова бросаюсь за ним, на этот раз точно намереваясь без лишних церемоний схватить его за ошейник и пристегнуть чёртов поводок.

Догоняю нашкодившего пса, хватаю за ошейник, заставив замереть на месте, но он словно в одно место ужаленный начинает извиваться и лаять на меня. Я опускаюсь на корточки.

– Эй, дружище, ты чего? – спрашиваю, почёсывая между ушами. – Бимка, ну куда ты меня тянешь? – Пёс скулит, пытаюсь вырваться, и я тяжело вздыхаю: – Ну ладно, будет по-твоему. В первый и последний раз!

Он нетерпеливо вертится, пока я пристёгиваю поводок.

– Давай, Бимо, беги, куда хотел! – разрешаю ему, и он срывается с места.

Ведёт меня к подножию скал, где проходят туристические тропы. Ну, если шашлык учуял, я ему устрою сладкую жизнь!

Ещё издали вижу *что-то* жёлтое, и это не очередное дерево. Я притормаживаю, подтягивая пса к себе, едва различаю в этом пятне куртку. Ветронепроницаемую, влагозащитную куртку ярко-жёлтого цвета, одетую на лежащем навзничь теле.

– Сидеть, Бимо! – велю я. Тон мгновенно говорит ему, что шутки шутить мы закончили.

Я привязываю поводок к стволу тоненького деревца и сразу же бросаюсь к месту происшествия. Месту падения, как оказывается при ближайшем рассмотрении.

Женщина. Летела спиной. Я прослеживаю вероятное место срыва, амплитуду падения, отмечаю переломанные ветви деревьев, изучаю неглубокий ручей, в котором она лежит. Подхожу ближе. Ноги утопают в мягкой кашеце грязи примерно по щиколотку. Хороший расклад.

Склоняюсь над телом. Осторожно убираю с лица тёмные волосы, и сердце пропускает удар.

Лада.

Я узнаю её из тысячи... Из миллионов узнаю. Из всех восьми миллиардов на Земле узнаю! Даже ослепнув, даже перестав существовать...

Невозможно не узнать, если именно её образ первым пробуждается в сознании по утрам, если её имя шумит в голове, если в памяти возникает её голос. Если я помню её запах, цвет глаз, каждый изгиб тела; какая приятная на ощупь её кожа... Хотя не должен, это чудовищно неправильно, но против правды не попрёшь. И это последняя ситуация, в которой я мог бы лгать самому себе.

Я узнал бы её и через сотни лет, а она даже почти совсем не изменилась с тех пор. Передо мной Лада. Сомнений нет.

Оставляя все галдящие назойливо в голове вопросы на потом, заставляя умолкнуть все сомнения, я достаю из кармана небольшой фонарик, раздвигаю пальцами веки... Есть контакт!

Тянусь трясущейся рукой до её шеи, пытаюсь нащупать пульс. Задерживаю дыхание, начиная отсчитывать секунды. Через семь секунд удаётся прощупать первый слабый отклик. Облегчение проходит сквозь всё тело, и я засекаю минуту, считая удары её сердца. 43 удара в минуту. Критическое значение. Начнёт опускаться ниже, придётся реанимировать, что в экстренных условиях практически нереально из-за невозможности оценить степень повреждений, включая внутренние.

– База, это Давыдов, как слышно? Приём, – говорю, зажимая кнопку на рации.

– Это база. – отвечают мне через мгновение. – Давыдов, что у тебя? Приём.

– Четвёртая зона, участок 17. Женщина, на вид 25-30 лет, сорвалась с прогулочной тропы в районе обвала. Пульс слабый, 43 удара, реакция зрачков прямая, внешние и внутренние повреждения оценить невозможно, открытых ран и переломов, на первый взгляд, нет. Нужна экстренная эвакуация и транспортировка в больницу. Приём.

– Отправляю бригаду. Расчётное время прибытия 17 минут. Хорошая работа, Давыдов.

– Хорошая будет, если она выживет, – вырывается у меня.

Марина вздыхает:

– Ты нашёл её. Ты нашёл её живой, а это уже хорошая работа. В горах это большое везение, сам знаешь, Глеб. Ты её ангел-хранитель.

– Конец связи, – глухо говорю оператору и отпускаю кнопку. Бимо деликатно твякает, но я отмахиваюсь от него: – Не сейчас, место. Ты молодчина, Бимка, скоро пойдём, а пока мне нужно поработать.

Страшно представить, что было бы, если бы собакен не тащил бы меня вперёд, если бы я развернул его раньше... Вероятно, назавтра спасти уже было бы некого, и этот расклад вызывает в моём сознании настоящий хаос.

Снова замеряю пульс: 45 ударов. Изучаю руки, ноги, аккуратно прощупывая пальцами прямо через одежду. Кажется, что никаких переломов нет, нет типичной припухлости, отёчности. Возможно, удалось отделаться ушибами и ссадинами. Кожа лица сероватая, что с огромной вероятностью может говорить о внутреннем кровотечении, но органы повреждены не критически, в этом я уверен. Я не хочу допускать обратного. Запустив пальцы в волосы, максимально осторожно веду по голове. В районе затылка пальцы становятся влажными и липкими. Я тяну руку на себя и изучаю. Кровь. Это может быть всё, что угодно: от ушибленной раны мягких тканей головы до открытого перелома затылочной части черепа. Памятуя, что реакция зрачков в норме, я надеюсь, что мозг не сильно пострадал даже в случае перелома.

Густые кроны деревьев, ещё не сбросивших золотую листву, значительно смягчили приземление. Как и вязкая жижа под ногами. У неё неплохие шансы выкарабкаться, я знаю это, но накатывающая периодически паника практически лишает рассудка. Хочется поднять её из ручья, прижать к себе, привести в сознание, утешить, убедиться, что с ней всё в порядке, отогреть. Но я просто сижу рядом. Допустимый максимум, который себе могу позволить, это замерять периодически пульс и накрыть самые кончики её холодных пальцев своей ладонью.

“Лада, Лада, Лада...” – отбивает нервную дробь моё сердце. Что она здесь делает? Давно ли перестала бояться высоты, бояться гор? По какой причине сорвалась вниз? Почему именно я нашёл её? У судьбы всегда отменное чувство юмора, вот и сейчас она забавы ради устроила весь этот цирк.

Раньше думал: встречу – убью! А теперь снова готов начать молиться, лишь бы она продержалась ещё немного, лишь бы её удалось спасти.

Раньше думал, что ненавижу. Должен ненавидеть. За всё. Но сейчас готов в лепёшку расшибиться сам, если это поможет её спасти.

Снова и снова осматриваю траекторию падения и поджимаю губы. Быстро проверяю карманы. Телефона нет, вообще ничего нет. Только сложенная пополам картонная карточка. Значок такси, имя Александр, номер телефона.

Не совсем соображая, что творю, убираю визитку во внутренний карман, и в этот самый момент до меня долетают голоса моих коллег. Нескладно получилось. Карман прожигает сокрытая подсказка, но назад в карман Лады её уже не засунешь. А внутри меня зреет уверенность, что она непременно потребует.

– Глеб, – зовёт меня Колька, шутник и балагур нашей смены. – Ну что тут у тебя?

Я отодвигаю руку подальше от пальцев Лады, ощущая из-за этого практически физический дискомфорт.

– Молодая женщина сошла с тропы, – указываю на переломанные ветки. – Смягчили падение.

– Повезло бескрылой птичке, значит, – хмыкает он, заставляя меня поморщиться.

Мужики раскладывают носилки, и мы максимально осторожно размещаем на них женское тело, фиксируя ремнями.

– Ну, отправились, мужики, – командует Колян. – С богом! Донесём нашу птичку до врачей без эксцессов, в целости и сохранности.

Я добегаю до деревца и отвязываю Бимо. Спускаю с поводка и велю не крутиться под ногами. А потом мы с мужиками вчетвером синхронно поднимаем носилки, чтобы как можно скорее передать Ладу врачам.

До ближайшего посёлка крюк примерно в одиннадцать километров. Мы вынуждены идти под проливным ледяным дождём, от которого сводит суставы пальцев, но мы движемся без лишних остановок, привычно удерживая средний темп.

– Глеб Денисыч, – обращается ко мне Ванька, самый молодой спасатель нашего отряда. – Эта птичка же ваша первая?

– Первая, первая, – отвечает вместо меня Колька. – Почти три года без происшествий протянул, рекордсмен.

Я усмехаюсь. И правда, в Алтайском поисково-спасательном отряде я оттрубил почти три года, и до сегодняшнего дня мне везло. Ни разу во время обходов я не находил сорвавшихся с высоты туристов или альпинистов, переломанных лыжников, попавших под обвалы или снежные лавины людей, заблудившихся потеряшек. Всё это я встречал, конечно же, когда мы шли по точечным вызовам или отправлялись на поиски не отметившихся на следующей точке групп. Всё это рассказывали парни по вечерам, после тяжёлой смены, когда мы собирались на ужин в столовой. Но никогда прежде мне не доводилось встречать их на своих обходах. Я знал, что однажды столкнусь с чужой бедой. Такая работа. Но никогда в жизни я не смог бы подготовиться к тому, что первое происшествие на моём участке произойдёт с Ладой.

Ещё издали виднеются сине-красные всполохи мигалки неотложной помощи. Едва мы достигаем медиков, они выкатывают каталку, и мы с парнями, совершая синхронные действия, быстро отстёгиваем и перекладываем тело молодой женщины с носилок на каталку. Ладую мгновенно завозят в карету.

– Колян, забросишь Бимку домой? – спрашиваю у приятеля. Пёс понуро семенит ко мне, и я сажусь на корточки. – Бимо, пойдёшь с парнями домой.

Он преданно утыкается в меня, и я чешу его за ухом.

– Глеб, а ты с ними, что ли, собрался? – волнуется Николай. – Ты это брось... Теперь нормально всё будет.

– Коль, да я и не сомневаюсь, – говорю ему с напускной улыбкой. – Но хочу убедиться наверняка, всё-таки моя первая. Для меня важно знать, что я не опоздал...

Голос опускается, становится хриплым. Репин сочувственно сжимает моё плечо и перехватывает ошейник Бимо.

– Ну, коли важно, – вздыхает он. – Поезжай. Держи только в курсе, Глеб.

Я запрыгиваю в скорую, когда она уже трогает с места. Фельдшер смотрит удивлённо, но вопросов не задаёт. Пристраиваюсь тихо в уголке, расстёгивая мокрую куртку, и устало смотрю, как с женского тела слой за слоем срезают дорожную одежду.

Практически вся поверхность кожи по бокам и со спины представляет из себя один сплошной лилово-фиолетовый кровоподтёк, и я морщусь.

– Переломы четырёх рёбер слева. Наблюдаются признаки раздражения брюшины, вероятно, разрыв селезёнки. Дыхание поверхностное, затруднённое. Пульс нитевидный. Ушиб или прокол левого лёгкого, полученные вследствие переломов рёбер. Кислородную маску.

Я запускаю пальцы в волосы и с силой оттягиваю. Для этого судьба привела меня к ней? Чтобы я увидел её смерть собственными глазами? Сколько раз на стену лез, подышал от боли, сколько проклинал её – и не счесть, но ведь был не серьёзен, Боже. Ведь ты знаешь, всегда знал, что я думал на самом деле! Ведь за мысли свои я и расплатился непомерно высокой ценой! Но забирать Ладую? Сейчас, когда я только встретил её снова? Не слишком ли жестокая насмешка?..

– Сердечный ритм повышается, – переговариваются между собой врачи. – Продолжайте насыщать кислородом. Тазобедренные кости целы. Ноги в порядке. Позвоночник и шейный отдел навскидку в норме. Ушибленная рана головы. Вероятность закрытой черепно-мозговой травмы. Общее состояние пациента оценивается как тяжелое.

Провожу ладонью по лицу, смахивая выступившие крупные капли пота.

– Жить будет, док? – спрашиваю у женщины, которая тут за главную.

– Пока сложно оценивать прогнозы, – сдержанно отвечает она.

– Но шансы неплохие?

Она ничего мне не отвечает. Остаток пути до больницы я провожу с закрытыми глазами. Не могу, не хочу, отказываюсь видеть *тяжелое* состояние Лады. Не хочу наблюдать, как врачи монотонно обрабатывают раны и ссадины, как постоянно замеряют пульс, как вкалывают одну за другой дозы препаратов. Там, за моими закрытыми веками, я вижу Ладу, здоровую, цветущую, счастливую.

Она лежит на поляне, прямо в сочной зелёной траве, в окружении луговых цветов. Солнце отражается в её глазах. Она так близко, и я жадно ловлю губами её дыхание. Губы Лады растягиваются в соблазнительную улыбку, на щеках вспыхивает румянец...

– Мы приехали, – тихо говорит мне врач. – Вы травмированы? Вам требуется медицинская помощь?

– Нет, спасибо. Я в норме, просто хочу убедиться, что с пострадавшей всё будет в порядке.

Она пожимает плечами и скрывается из виду. На ходу застёгивая куртку, я добегаю до приёмного отделения, издали наблюдая, как Ладу спешно увозят на каталке в недра больницы.

Спрашиваю у смешиливой медсестрички, имеется ли у них вендинговый аппарат, но она предлагает налить мне кофе. Я не отказываюсь. Ночь обещает быть длинной.

Примерно в три часа из дверей, за которые увезли Ладу, появляется медсестра. Я поднимаюсь.

– Здравствуйте! Я хотел узнать о состоянии пациентки, которую привезли на скорой. Она сорвалась со скалы...

– Вы её муж? – спрашивает она.

– Нет, – с досадой отвечаю ей. – Я – спасатель, обнаруживший эту женщину.

Лицо медсестры смягчается.

– Надо же, столько лет работаю в больнице, а такое впервые встречаю: чтобы спасатель дожидался окончания операции...

– И всё же? Пожалуйста, скажите, в каком она состоянии.

– Состояние тяжелое, но оперировать закончили двадцать минут назад. У девушки был разрыв селезёнки, произвели ушивание ран в надежде, что удастся сохранить орган. Ушибы почек, печени, лёгких, будут следить за динамикой. Четыре ребра сломаны, ещё в двух незначительные трещины. Небольшое смещение шейного позвонка, не критичное. Сильный ушиб головного мозга в затылочной части, разрыв мягких тканей головы – потребовалось наложить швы. Сейчас пациентка введена в состояние медикаментозной комы и находится в реанимации.

– Спасибо, – отзываюсь я.

Женщина советует:

– Поезжайте домой. Ближайшие три дня станут решающими, если никаких осложнений не будет, её выведут из комы и переведут в обычную палату. Можете оставить на посту свой номер, мы свяжемся с вами, чтобы сообщить о состоянии пациента.

Так я и поступаю. Записываю свой номер и выхожу в ночь. Редкие огни города сопровождают меня всю дорогу до автовокзала, где я сижу остаток ночи, дожидаясь первого автобуса.

С Ладой всё будет хорошо. Теперь я в этом не сомневаюсь. Страхи и паника отходят на второй план, уступая место другим важным вопросам.

Последующие три дня заняты рутинной. Ничего не происходит, я безвылазно сижу в посёлке, поэтому у меня выдаётся много времени для размышлений.

В частности, меня занимает следующее: как мне следует вести себя с Ладой теперь, после нашей новой встречи? Понятное дело, что о возвращении в исходную позицию и речи вестись не может, слишком много воды утекло. Но должен ли показывать ей, что до сих пор держу смертельную обиду, что по прошествии времени всё только усугубилось?.. Я не знаю. И не

могу найти решение. Наверное, мне будет проще понять, как себя вести, когда Лада будет в сознании. Когда я пойму, как сама Лада теперь относится ко мне...

От нашего же разговора будет зависеть и многое другое. Например, дадут ли ход делу о покушении на её жизнь. Мой отчёт уже готов, и согласно заключениям упасть самостоятельно она не могла. Но эти знания я пока держу при себе на случай, если сама Лада не захочет поднимать шум, что кажется мне абсолютно невозможным. Но я снова и снова одёргиваю себя: я не знаю её. Никогда не знал. И что творится в её голове, что она решит делать – для меня загадка.

Меня смущает – самую малость, – что я скрываю ото всех наше знакомство, и Лада лежит в больнице безымянной. Ещё больше смущает, что близкие не торопятся её искать. Думаю, поэтому я с завидным упорством молчу и не раскрываю никому её данных. И утешаю себя тем, что стараюсь поступить правильно для её же безопасности. Потом я переложу ответственность на саму девушку. Когда она придёт в себя, сможет решить, что делать в этой ситуации, а пока... Я просто жду, когда она поправится.

Каждый день я звоню в больницу, чтобы справиться о состоянии девушки. Чтобы услышать обнадеживающие новости. Но по телефону мне говорят лишь стандартные фразы: “Состояние стабильно тяжёлое”, “Никаких изменений пока нет”.

На четвёртый день, так и не дождавшись благих вестей, я решаю поехать в больницу сам. И приезжаю как раз вовремя: Ладу выводят из искусственной комы. Я выписываю круги по коридору несколько часов, прежде чем та самая смешливая медсестра из приёмного не зовёт меня.

– Вашу пациентку перевели в обычную палату, – заговорщицки шепчет она. – Девушка ненадолго пришла в себя, но запаниковала, пришлось вкатить ей успокоительное. Она спит.

– Могу я дожждаться, пока она проснётся, и навестить её? – испытывая облегчение, спрашиваю у медсестры.

– Не знаю, сколько времени пройдёт до её следующего пробуждения, – закусывает она губу, размышляя, может ли закрыть глаза на явное нарушение больничного распорядка.

– Послушайте, Анна, – бросив быстрый взгляд на бейдж, говорю ей проникновенно, понизив голос до хриплого шёпота. – У нас, в поисково-спасательном отряде, спасателей, обнаруживших людей на грани жизни и смерти, которых удалось вовремя доставить до медиков, благодаря чему они выжили, называют ангелами-хранителями. Эта девушка, считайте, негласно моя подопечная, а я со всей серьёзностью подхожу к выполнению своей работы. Я спасаю людей, а вовсе не собираюсь никому здесь вредить. Ну посмотрите на меня, Анечка, разве я похож на негодяя и подлеца?

Она смущённо хихикает и манит меня пальцем, в подсобке выдаёт мне халат и предлагает оставить куртку здесь же. Я не отказываюсь. Набрасываю на плечи чуть меньшего размера медицинский халат, бахилы, даже мою руки. И она провожает меня в палату Лады.

Она лежит в одноместном боксе – то ли всех после реанимации переводят сначала в одноместную палату, то ли мест больше не было, а может, и вообще по иным причинам, я не знаю. Но тихо вхожу внутрь, устраиваясь на одинокой табуретке напротив койки.

Лада очень бледная; почти прозрачная кожа светится в полутьме палаты. И это внутреннее свечение согревает мою душу. Она поправится. Она обязательно вернётся к своей прежней жизни. Или начнёт всё заново. Не это сейчас важно.

Руки, увитые трубочками капельниц, спокойно лежат вдоль тела. Я быстро придвигаюсь ближе, сжимаю её пальцы и тихо говорю:

– Ты обязательно поправишься. У тебя всё будет хорошо.

Провожу кончиками пальцев по её лицу, прекрасному и измученному одновременно. Ей больно? Страшно?... Какие думы её одолевают? Захочет ли она видеть меня? Сделает ли вид, что мы не знакомы, что она не узнаёт меня? Как мне себя вести с этой молодой женщиной, знакомой незнакомкой?

Я переплетаю наши пальцы и начинаю просто ждать.

Накатывает усталость. Утыкаюсь головой в край матраса, и меня вырубают. А просыпаюсь от того, что меня трясут за плечи.

– Кто вы? – шипит женский голос. – Как сюда попали?

Спросонья я даже не сразу понимаю, где нахожусь, пока взгляд не упирается в мои пальцы, сжимающие тонкие, женские. Слишком личный, практически интимный жест не укрывается от глаз лечащего врача Лады, и она хмурится.

Я хочу скормить ей свою байку. Даже заранее зная, что она не купится. Но неожиданно врач отвлекается на свою пациентку, и я резко перевожу взгляд на Ладу.

Несколько мгновений после пробуждения она близка к панике, и я ободряюще сжимаю её пальцы, словно говоря: “Ничего не бойся, я с тобой”, и она удивлённо смотрит на наши переплетённые пальцы. Переводит взгляд на меня. Короткая вспышка узнавания живо мелькает в глазах. Лада слабо улыбается, облизывает пересохшие губы и еле слышно произносит:

– Это вы! Я видела вас... там... – Она хмурится. – Но где – там? Ничего не помню... Вы знаете, кто я? Где я?

От неожиданности я отпускаю её руку. Врач толкает меня в плечо, намекая, чтобы я освободил проход, и я двигаюсь в сторону вместе с табуретом.

Она быстро осматривает Ладу, которая испуганно смотрит прямо в мои глаза.

– Как вас зовут? Вы помните, откуда приехали? Имена ваших родных и близких, возможно, кого-то из друзей? – засыпает девушку вопросами врач.

Лада качает головой:

– Ничего не помню. Только его. Был свет, такая яркая вспышка. У меня сильно болела голова. Потом я увидела его, – сбивчиво говорит Лада. – Больше ничего не помню.

Врач переводит взгляд на меня, и я быстро поясняю:

– Я – спасатель, Алтайский ПСО, подразделение “Катунь”. Это я обнаружил эту девушку, сорвавшуюся с туристической тропы, проходящей по скалам.

– Вы знаете, кто я? – спрашивает Лада звонко. Её глаза полны слёз.

Я знаю, да. Знаю о ней так много и не знаю абсолютно ничего. И сейчас я не уверен, что должен говорить, кто она. Памятуя о собственных подозрениях, пусть я трижды совершаю самую большую глупость, но я не могу рассказать, кто она, пока не разберусь, какого чёрта с ней произошло.

– Я просто спасатель, – говорю им обоим. – Я выполнил свою работу и просто хотел убедиться, что с пострадавшей на моём участке будет всё хорошо.

Я поднимаюсь, не зная, куда деться от внутреннего смятения. Назойливо бьётся мысль, что Лада не помнит своего прошлого, не помнит даже собственного имени, а значит, забыла меня. И чтобы не наделать ещё больше глупостей, чтобы лишиться себя возможности вернуть *то* прошлое, я должен, обязан убраться подальше от неё. Оставить всё, как есть. Ради собственного блага. Хотя это последнее, чего мне хочется. Видит Бог, я слаб. Я хочу быть искушённым. Но это не может закончиться ничем хорошим. А *снова* этого не вынесу.

– Вижу, что с вами теперь точно всё будет хорошо, – говорю Ладе. В её глазах плещется разочарование. Прости, Мармеладка, я делаю это и для тебя тоже. – Вы обязательно поправитесь. С вами всё будет хорошо. Спасибо, док, позаботьтесь о ней как следует.

Я покидаю палату, чтобы не передумать. Заставляю делать каждый новый шаг, который даётся труднее предыдущего. Сердце глухо отбивает ритм, и если прислушаться, то наверняка смогу услышать в нём: “Ду-рак. И-ди-от.”, но я уверен, что поступаю правильно. Мне нужно держаться подальше от Лады, пока всё не вышло из-под контроля, и я решаю направить энергию в более безопасное русло.

Покинув здание больницы, я извлекаю из внутреннего кармана куртки сложенную вдвое картонную карточку и набираю номер неведомого Александра.

Глава 3. Глеб

– Здравствуйте, это вы вызывали такси? – спрашивает у меня мужчина лет тридцати пяти. Лицо открытое, круглое, добродушное. Надеюсь, что память его не подводит.

– Да, я. Здравствуйте, – говорю, садясь на переднее сиденье.

– Куда едем? – спрашивает водитель.

Я открываю на экране телефона фото Лады, одно из самых последних, которые нашёл в её соцсетях, и спрашиваю:

– Скажите, пожалуйста, вы на неделе не подвозили случайно эту женщину?

Таксист бегло смотрит в мой телефон и вздыхает:

– Ясно... Значит, никуда не едем?

– Зависит от того, есть у вас интересная информация или нет. Но я заплачу как за поездку в любом случае, – прямо говорю ему.

– А чего случилось-то? – чешет голову водитель, размышляя, стоит мне что-то говорить или нет.

– Да жена, – доверительно протягиваю я, понизив голос, – боюсь, что с любовником где-то здесь развлекалась. Сказала, что в командировку улетает, а пока её не было, с работы позвонили... В вещах нашёл твою визитку, посмотрел в интернете номер и приехал потолковать с глазу на глаз.

– Понимаю, мужик, – сочувственно говорит он. – Но порадовать не смогу. Подвозил твою бабу с другим мужиком. Тут недалеко отель для зажиточных, вот там они и сели ко мне в машину. Ехали совсем малость, до подвесного моста через Катунь, на тропу направлялись. В машине ни о чём не разговаривали. Мужик – ну чисто сноб, всё нос воротил, а она тихой мышкой позади меня сидела.

Я задумчиво листаю её страничку, пока не нахожу фото почти семилетней давности – единственное фото с мужчиной на каком-то мероприятии, размещённое на чужой страничке. Аккаунт удалённый, но отметка осталась. Только одна – Лада Крылова. Характер мероприятия торжественный, скорее всего чья-то свадьба, поэтому я смело предполагаю, что рядом с Ладой её *муж*.

– Глянь, не этот товарищ, случайно? – снова спрашиваю у водителя. Он разглядывает фото и осекается:

– Начальник ейный?

– Ага, – не вдаваясь в подробности, киваю в ответ.

– Кажись, он. Сейчас чуть старше и выглядит немного по-другому... Но, вроде, он.

– Ясно, – вздыхаю я. – Больше ты их не видел?

– Нет, обратно со мной не возвращались. Я их больше не встречал, хотя часто стою на точке прямёхонько возле территории гостишки.

– Понятно. Ну давай ты меня отвезёшь сначала до той гостишки, а потом уже к мосту. Оплачу по двойному тарифу.

Он согласно кивает и трогает с места, а я глубоко задумываюсь.

Лада пошла на тропу с мужем. Что между ними произошло? Мог ли он столкнуть её вниз? А если не он, то кто? Мог ли кто-то на них напасть? Вдруг где-то поблизости к месту обнаружения Лады лежит ещё и труп её мужа? Столько вопросов, и пока нет ни одного ответа! Но я надеюсь, что мне удастся что-то разузнать в отеле.

– Это здесь, – показывает мне Саня.

– Спасибо! – говорю ему, протягивая пару купюр. – Дождись меня, пожалуйста, и я удвою сумму.

Быстрым шагом пересекаю ухоженную территорию и нахожу административный корпус. Зайдя внутрь светлого помещения, сразу направляюсь к стойке ресепшн.

– Здравствуйте, – говорю вежливо молодой симпатичной девушке. – Я бы хотел узнать, в каком домике остановились мои друзья. Мы договорились о встрече, я приехал издалека, а теперь не могу дозвониться до них...

Она смотрит на меня с вежливым выражением.

– Здравствуйте, давайте проверим, на какую фамилию они арендовали шале?

– Уверен, что на имя Лады Крыловой, – говорю ей.

Она проверяет по базе и выдаёт:

– К сожалению, гости съехали задолго до конца оплаченного периода проживания.

– Ого! – присвистываю я. – Как же так? Вот и друзья, называется!

– У него жена отравилась сильно, – неожиданно говорит девушка. – Так он сказал, когда пришёл ключи сдавать и о возврате спрашивать. Сказал, жене стало плохо, её отправили в больницу, и он спешно выезжает в город. Спросил, каким образом оформляется возврат. Я как раз работала в то утро, это было... Как раз три дня назад. Я ещё удивилась.

– Удивились? – переспрашиваю у неё.

– Я заступила на смену в восемь утра, а девочки из другой смены ничего не рассказали про ночной вызов скорой. Я потом ещё разгоняй им устроила, а они объяснили, что скорая не приезжала и скорее всего он жену на такси в город повёз, там её госпитализировали, а он за вещами вернулся.

– Нескладно получилось, – вздыхаю я. – Спасибо за помощь. Буду искать их дальше.

– Да не за что, – сочувственно улыбается она.

Я возвращаюсь в такси.

– До моста? – с готовностью спрашивает Санёк.

– До моста, – киваю я.

Сам не знаю, чего рассчитываю там найти, учитывая, что прошло несколько дождливых дней и всё ясно как божий день. Ладу столкнул с одной из площадок её *муж*, а потом спокойно провёл ночь в отеле и бросился замечать следы. И пока Лада пребывает в беспомощности, она находится в потенциальной опасности. Я оказался прав, когда решил замолчать наше знакомство и её имя.

Прощавшись с Саньком, я быстро прохожу по мосту и иду по маршруту Лады до места падения, внимательно осматриваясь по сторонам. Привыкший за годы работы в отряде ходить по горным тропам, я с лёгкостью преодолеваю это расстояние в предельно сжатые сроки. Не прогуливаюсь – ищу. И действительно нахожу.

Серый рюкзак лежит под обвалом, в груде всякого мусора среди камней. Швырнул, значит, куда подальше, умник? Презрительно хмыкнув, изучаю мостки, подхожу к пологому краю скалы, обрывающейся резким выступом. Смотрю сверху-вниз, туда, где обнаружил Ладу, и кровь закипает в жилах. Хочется достать этого *мужа* из-под земли и придушить голыми руками!

Интересно мне знать, как он планирует скрывать произошедшее с Ладой? У неё же есть друзья, родители, опять же... Ну не может быть, чтобы никого не было! Вот как он собирается выкручиваться?

Пока действия этого мужа выглядят откровенно бредово. Я не вижу в них логики, но логика там определённо должна быть. Не настолько же он тупой?..

Версия его тупости мне кажется удобоваримой, но я не исключаю варианта, в котором не могу понять логику убийцы, потому что сам не такой. Я – спасатель. Двадцать лет только и делаю, что спасаю людей. Сначала – противопожарная служба МЧС, потом – *после* происшествия – поисково-спасательный отряд МЧС. Для меня априори чудовищно всё плохое, что происходит с людьми. По воле стихии, по воле злого умысла, по воле стечения обстоятельств

– не суть. Поэтому у меня в голове не укладывается, как он мог столкнуть Ладу, свою жену, с обрыва, а потом спокойно расхаживать по отелю, предпринимать какие-то жалкие попытки создать видимость того, что она жива. Зачем ему это? Что он планирует делать дальше?

Так и не сумев найти ответов на многочисленные вопросы, я нахожу наиболее безопасный спуск и добираюсь до рюкзака. А спустившись вниз, расстёгиваю отсыревшую молнию и изучаю содержимое.

Термос, немного запасов еды: какие-то снеки, орешки, пара яблок, фонарь, спички, тонкий плед, выключенный телефон практически на самом дне. Вряд ли наш *муж* подумал, что Лада взяла с собой телефон, иначе бы не оставил. Слишком опасно. Да и вообще, ведёт он себя глупо, как кретин. Но проблема не только в том, что я не понимаю логики преступника, но ещё и в том, что я слишком предвзято к нему отношусь.

Складываю вещи назад, раздумывая, как поступить. По хорошему счёту я должен сдать находку в полицию и рассказать о знакомстве с Ладой. Но я не могу. *Муж* уже пытался её убить, а теперь она в беспамятстве. Прямых доказательств у меня нет, лишь собственное умозаключение. Свидетелей, кроме таксиста нет. Но *муж* легко может отбрехаться, что они передумали идти на тропу, или, например, поссорились и разошлись... Или ещё как. Вариантов много. Слова респектабельного москвича против слов алтайского бомбилы. Как пить дать, отбрешется!.. А потом попытается избавиться от Лады снова – раз в первый раз не получилось. Или – что ещё проще – оформит ей недееспособность и упечёт в клинику, где Лада проведёт остаток дней под действием сильных препаратов. И никогда не вспомнит ничего, включая меня.

Слишком сложный выбор, от которого зависят жизнь и здоровье молодой женщины. Которая мне небезразлична вот уже десять лет.

Немного поразмыслив, я закидываю рюкзак на плечо и возвращаюсь горными тропами домой, где первым делом прячу находку на чердаке, в грудях старого хлама. Знаю, что впоследствии пожалею, что сам создаю себе лишний геморрой, но не могу поступить иначе. Не с ней.

Следующую неделю я обрываю телефоны больниц, консультируюсь с врачами по вопросам амнезии, мониторию объявления о пропавших без вести по региону и всей стране, ищу ориентировки на поиски Лады. Но тщетно. Пока в следующий понедельник не натываюсь на новость, что Лада... погибла в ДТП, направляясь в свой подмосковный дом ночью в воскресенье.

Чёртов сукин сын! Вот что он задумал? Обставил всё так, словно они вместе вернулись в Москву и спустя неделю Лада погибла там, в совершенно другом месте? Решил, что, если его до сих пор никто не связал с обнаруженным в горах *телом*, он сможет спрятать концы в воду, обрубить все ниточки?

Отвратительная ситуация теперь не нравится мне ещё больше. В ближайшее время опознанный как Лада Крылова труп захоронят в Москве, пока сама Лада не может вспомнить даже своего имени, не говоря уже о причинах, по которым оказалась в больнице. У её *мужа*-негодяя развязаны руки: она погибла официально, и если объявится женщина без памяти, утверждающая, что она его жена... расклад тот же. Он запрячет её в психушку и будет пичкать пилюлями, пока не изведёт. Можно ли надеяться, что в её окружении есть адекватные люди, если за прошедшие две недели никто не начал её искать, вопрос хороший. И для себя я решаю, что надеяться на это не стоит.

Я знаю, как должен поступить, знаю. Это не моё дело – разбираться в преступлениях. Но в то же время, я чувствую, что должен позаботиться о Ладе, пока она всё не вспомнит, пока она не сможет заботиться о себе сама.

Подхватив на поводок Бимо, я иду по посёлку, раздумывая, как донести до начальства своё желание забрать чужую и незнакомую для меня женщину без документов и без памяти. Точнее... Желания, как такового, нет. Я прекрасно понимаю, чем чревато наше близкое сосед-

ство для меня, для нас. Но, даже несмотря на то, что всё давно изменилось и сам я давно изменился, я не могу бросить Ладу на произвол судьбы. Должен поступить по уму, но всё внутри отчаянно сопротивляется.

Я знаю, что пожалею, едва она поселится где-то поблизости. Я знаю, что буду страдать, что буду желать, что слишком тяжело будет устоять перед соблазном, когда всё, о чём я грезил долгие, бесконечные десять лет, будет так близко, совсем рядом, стоит лишь протянуть руку. И я прекрасно понимаю, какие невероятные усилия придётся приложить, чтобы удержаться, чтобы не воспользоваться случаем и её беспамятством!.. Но это не отменяет и другого знания – что я должен взять ответственность за судьбу Лады на ближайшее обозримое будущее, раз больше некому. Сколько бы я не убеждал себя в обратном, Лада была, есть и будет близким и небезразличным мне человеком.

Такая любовь, которую я испытываю к ней, – любовь, которую не выжечь обидой и ненавистью; любовь, нездоровая, подобно раковой опухоли, уничтожающая, разрушающая; любовь, которая причиняет одну лишь боль, но заставляет биться моё сердце, заставляет меня просыпаться по утрам, – такая любовь не может пройти бесследно. Она живёт во мне, и я не могу просто отмахнуться от девушки. Что бы нас ни связывало в прошлом, я не могу оставить её один на один с проблемами в абсолютно беспомощном и беззащитном положении.

Пёс тянет меня в сторону столовой, и я, глубоко погруженный в свои мысли, уступаю. Повариха Марья Андреевна смотрит с недовольством, но не перечит: все привыкли, что я ношусь с Бимкой, как с дитём малым. Или как с лучшим другом, членом семьи.

Бимо уверенно чешет через всю столовку до зоны выдачи, плюхается на зад и начинает гипнотизировать повара.

– Тётъ Маш, ну дайте уже стралальцу котлетку посочнее! – усмехаюсь я.

– Глаза бы мои этого страдальца не видели! – смеётся она. – Ты, Глебушка, взрослый мальчик, а всё таскаешь собаку сюда! А здесь, между прочим, люди кушают.

– Бимка тоже почти человек, – не соглашаюсь я. – Воспитанный вон какой, никому ведь не мешает.

Повариха вздыхает, качая головой:

– Смотри, Глеб, придёт новый повар и запретит тебе употреблять пищу в компании пса!

– Хорошо, что это случится ещё ой, как нескоро! – парирую в ответ, и Марья Андреевна отсекается:

– Да вообще-то, Глеб, я до конца недели дорабатываю, к дочке уезжаю. Всё, хватит, нарабаталась.

– На кого же вы нас бросаете? – спрашиваю я. Бимо недовольно твякает, и повариха резво подхватывает салфеткой котлету и устраивает перед ним. Бимка принюхивается и начинает надкусывать лакомство, и женщина говорит мне:

– Ну вот, Глеб, найдут рано или поздно нового повара. А новая метла, сам знаешь...

– Да, – протягиваю я. – Дела...

Беру поднос и занимаю отдельный стол. Поднимаю Бимо вместе с его котлетой на стул и смотрю по сторонам, пока не натыкаюсь взглядом на Марину, оператора и радиста нашего отряда.

Заметив меня, женщина примерно моих лет подхватывается и занимает место напротив, рядом с Бимо.

– Привет, Глеб! Ну как ты?

– Здравствуй, Марин. Да потихоньку, – пожимаю плечами. – Ну, а ты как?

– Как-как? Работа, дом, работа. – вздыхает она. – У нас иначе не бывает.

– Это точно, – вежливо поддакиваю ей.

Игнорирую откровенно просящий взгляд голодной до мужского внимания бабы. Здесь я ей точно не помощник, хотя сводничеством занимается весь отряд. Как у них всё просто: она

вдова, я вдовец, работаем в одной смене. Можно было бы и перестать выёживаться, съехаться с одинокой женщиной, и она ведь совсем не против. Да только никак им в толк не взять, что мне этого всего не нужно. Нельзя жить с нелюбимыми. Это не заканчивается ничем хорошим.

– Слышал уже, что Минский затеял ремонт клуба? Хочет к новому году успеть, дискотека будет, представляешь?

– Да, хорошая новость. Хотя какой-то досуг появится в посёлке, – усмехаюсь я.

– Так может, сходим вместе посмотреть? – цепляется она за возможность, и я торопливо пресекаю:

– Марин, я не любитель всяких мероприятий, извини, компанию не составлю.

Некоторое время мы едим без лишних разговоров. Бимо спрыгивает со стула и бродит между столами в надежде, что добрые люди его угостят чем-то вкусненьким. Я усерднее работаю ложкой, пока тётя Маша не осерчала окончательно. Уже собираюсь распрощаться с Мариной, как она говорит:

– Глеб, слышал? Птичку твою никто так и не ищет! Представляешь? Вот так жил человек в окружении людей, а в беду попала, так даже и помочь некому! И куда она теперь подастся? Небось в социальный приют заберут...

– Так поговори с Аркашей, – удерживая маску равнодушия, предлагаю ей. Знаю, что Марина добрая, сердобольная женщина, самая отверженная альтруистка. Не упустит возможности помочь человеку, особенно, имея на то все рычаги. – Марья Андреевна наша увольняется, кто работать будет? Можно пристроить пока эту птичку, а там, глядишь, или сама вспомнит, кто она, или родственники объявятся.

– Думаешь? – с сомнением спрашивает она.

– Конечно, – отмахиваюсь я. – Убьём одним выстрелом двух зайцев. Уж не совсем она, наверное, безрукая, а здесь не мишленовский ресторан.

– И то верно, – вздыхает женщина. – Поговорю с Аркадием сегодня же.

Я пожимаю плечами, словно мне всё равно, но гора спадает с плеч. Хотя бы тут не придётся врать и изворачиваться, не нужно искать причину, почему Ладу нужно забрать в посёлок. Сама того не ведая, Марина оказывает мне огромную услугу.

Через пару дней я словно невзначай захожу в диспетчерскую. Марина разговаривает по телефону, и, чтобы себя занять, я просматриваю открытые заявки.

Закончив разговор, Марина отъезжает на стуле от компьютера и оказывается возле стола, ближе ко мне.

– Привет, Глеб! Не ожидала, что ты заглянешь...

– Да какая-то тишина несколько дней, вот и решил проверить, не прячете ли вы от меня работёнку! – отшучиваюсь я.

– Сезон дождей, – глубокомысленно изрекает Марина. – Хотя немного передохнуть можно, пока снег не ляжет.

– Ну да, – киваю я. – Хотя с нашей работой никогда не знаешь, когда ждать беды. Иногда она возникает на пустом месте, когда совсем того не ждёшь.

– Тьфу-тьфу-тьфу, Глеб! – перекрестившись, произносит она. – Сплюнь. Кто же перед обходом такие вещи говорит? Нет происшествий, и слава богу! Считай, после птички твоей ничего и не случилось пока.

– Родные не объявились? – спрашиваю у неё, хотя прекрасно знаю, что нет. Отслеживаю ситуацию по всем возможным каналам связи, регулярно звоню в больницу...

– Нет, никто не ищет, – вздыхает женщина. – Это же просто немыслимо!..

Да, согласен. Просто немыслимо, что с ней сделал муж. У меня в голове не укладывается, что он просто похоронил Ладу, даже не убедившись, что она действительно погибла. Как он обставил аварию, кто был в машине на самом деле, на данном этапе меня заботит мало.

Понимание, что лишь чудо – из разряда тех, в которые я теперь не верю, – спасло девушку, только усугубляет. Если бы она разбилась насмерть, придурку бы просто всё сошло с рук. А так есть мизерный шанс, что удастся его засадить. Если Лада всё вспомнит, если даст показания, ему уже не будет просто отвертеться от содеянного. Но до тех пор у него имеется веский повод стереть жену с лица земли. А мысль, что Лада не существует со мной в одной реальности, что её нет ни в одной точке планеты, вызывает невыносимую боль и глухую безнадежную тоску.

Я не питаю иллюзий, давно уже. Слишком много времени ушло безвозвратно. Слишком много событий – счастливых и трагических – произошло в моей жизни, в жизни Лады. Невозможно запросто отмахнуться от десятка лет и пуститься во все тяжкие, особенно, памятуя, чем окончилась прошлая попытка. Но и существовать в мире, где нет Лады, где мне больше некого любить, я не смогу. Слишком больно. Лишь столкнувшись с настоящей бедой, я ясно осознал это. Все эти годы я злился, тосковал, желал; думал, что прошло, что переболел, но потом снова и снова вспоминал, любил, сожалел; сравнивал – и сравнение никогда не было в пользу жены; ненавидел себя, ненавидел Ладу; пытался забыть, нуждался в этом, но помнил досконально, до каждого вздоха, до биения сердца под рукой... Так и не смог забыть. Так и не смог отсечь как нечто ненужное, неважное, незначительное. Страдал, заставлял страдать других. Получил такой урок, который уж точно должен был поставить мозги на место!.. Проклинал Ладу, так ненавидел первое время, что казалось, любовь умерла в том пожаре, вместе с моей семьёй. Был один, был пустой. Помнил всё, но чувства притупились. Думал, всё. Перегорело. Наконец я свободен и получил то, чего когда-то желал. Но то была лишь защитная реакция на боль потери, на неугасающее чувство вины, на бесконечные сожаления о том, что я не смог стать в достаточной мере хорошим мужем из-за нездоровой, отчасти мазохистской любви к другой женщине. Теперь я ясно понимаю: люблю. Ничего не изменилось. Как и тот факт, что Лада никогда не испытывала того же.

Пока я убеждаю себя, что смогу просто присматривать, не сближаясь снова с Ладой, Марина спохватывается и наливает чай, продолжая вещать:

– Аркадий Степанович, конечно, возбужал для видимости. Как, говорит, я должен оформить на работу женщину без документов! Я покумекала, предложила ему пока меня и Люду оформить на полставки в столовую. По документам будем числиться мы, а работать и зарплату получать твоя птичка.

– Согласился? – уточняю я.

– А куда ж он денется, этот Минский? Я ему сразу сказала: в эту дыру желающих ехать особо нет, а мы с Людкой ещё и кухню тянуть не станем. Мужиков кормить надо? Надо. Перспектива готовить самому ему, видимо, тоже не понравилась, вот и скрипя зубами согласился взять пока эту женщину.

– Ясно. – протягиваю, испытывая радость предвкушения. Ох, не к добру это, чую! Резко поднимаюсь, остро нуждаясь заняться чем-то, лишь бы поскорее выбросить из головы дурь, которая появляется там вне зависимости от моего решения держаться в стороне. – Ладно, пойду на обход.

– Глеб, а как же чай? – немного обиженно спрашивает Марина.

– В другой раз, Мариш, – вздыхаю я. – Хочу успеть до дождя.

– Ну... тогда до свидания?

– Пока, Марин, – киваю ей и тороплюсь домой, чтобы взять Бимку.

Следующие дни проходят в ожидании встречи. Не должен об этом думать, не должен думать о ней, но ничего не могу с собой поделать. Мысли сами лезут в голову, прошлое перемешивается с настоящим, и я больше не понимаю, чего хочу на самом деле.

Начало следующей недели знаменуется тем, что меня вызывает к себе Минский, руководитель нашего отряда. Косяков за мной не числится, по крайней мере, тех, о которых ему было бы известно, поэтому я не знаю, чего ожидать.

– Давыдов! – кивает мне Аркадий, едва я заглядываю в его кабинет. – Проходи, садись, потолковать нужно.

– Случилось чего, Аркадий Степанович? – осторожно спрашиваю.

– Случилось, – кивает он. – Не знаю, в курсе ты или нет, но Марина Сергеевна выступила с инициативой, чтобы мы, значит, взяли под опеку обнаруженную тобой девицу. Её никто не ищет, среди пропавших без вести никого подходящего нет, по базам разыскиваемых преступников пробили – тоже нет... – Крепкий мужчина хмурится чуть заметно. – Словно не существовала до этого, не нравится мне это. Помяни моё слово, не оберёмся проблем мы с ней... Но пока решение такое: девушку мы забираем под свою ответственность, будет работать в отряде, помогать по мере сил, проходить реабилитацию, а там будет видно, может, и найдётся чья-то пропажа.

Это вряд ли, но я благоразумно помалкиваю.

– Понял, – киваю коротко.

– Ты вот что, Давыдов, – продолжает начальник. – Бери мою машину и поезжай в больницу, заведи её.

– Почему я? – с ноткой возмущения спрашиваю у Минского.

– Ну, Глеб Денисович, что же, я должен прописные истины глаголить? – вздыхает он. – Она только тебя помнит. Кроме врачей и медсестёр, никого в целом мире не знает, лишь тебя, своего спасителя. Думаю, во избежание недоразумений тебе лучше самому забрать её из больницы. Сегодня выписать готовы, но у неё нет абсолютно никаких вещей, всё порезали в скорой. – Он поднимается, достаёт из платяного шкафа пакет и добавляет: – Бабы вон повыбирали кой-чего, свези, чтобы хоть было в чём идти. Пока так, а там, может, скинемся отрядом на какой-никакой запас одежды для Птички.

Я потираю лицо ладонью. Что ж, встреча с Ладой неминуема и состоится уже сегодня. Только бы не сорваться...

Глава 4. Глеб

Передав вещи уже знакомой смешливой медсестре Анне, я занимаю низкую кушетку. Весь я напряжён: мозг не перестаёт думать ни на мгновение, тело скованно до лёгких судорог литых мышц. Сажу, широко расставив ноги и сцепив руки в замок. Каждая минута ожидания сжирает очередную нервную клетку и без того истощённого организма.

В машине дожидается Бимо. Его я взял с собой для верности. Как будто пёс сможет остановить меня от глупостей, реши я их в самом деле сотворить!..

– Здравствуйтесь, – долетает до меня словно в вакууме, так тихо шелестит голос Лады. – Это же вы?.. Вы меня спасли?

Резко вскидываю взгляд на неё, замершую нерешительно в паре метрах от меня. Всё ещё бледная, но уже более здорового цвета кожа лица, мягкая улыбка едва касается иссохшихся губ, невозможно огромные печальные глаза, всматривающиеся в мои пытливо. Тёмные волосы небрежно собраны в пучок, одежда с чужого плеча слегка великовата, но Лада всё равно выглядит ослепительной красавицей. Ни до, ни после знакомства с ней я таких не встречал.

– Да, это я, – торопливо вскакиваю с кушетки, и Лада вздрагивает. Боится незнакомца? – Здравствуйтесь. Врачи рассказали вам о нашем предложении?

– Да, спасибо, – тихо вздыхает она. – Если честно, я пока не очень понимаю, что происходит, но, вероятно, другого выхода у меня всё равно нет...

– Всё образуется, вот увидите! – заверяю её. – Врачи дают неплохие прогнозы относительно вашей амнезии.

– Хорошо бы, – снова вздыхает она. – Очень странное чувство: знать названия знакомых предметов, иметь неплохой словарный запас, уметь делать все обычные вещи, которые ежедневно делает человек, но не помнить абсолютно ничего. То есть, я знаю, как пользоваться вилкой и ножом, но откуда, кто меня этому научил – понятия не имею. Есть ли у меня родные? Живы ли родители? Имеются ли братья, сёстры? А вдруг я замужем, вдруг у меня есть дети? А что, если я вообще мать-одиночка? Кто я такая? Откуда взялась? Столько всего в голове вертится, но нет ни одного ответа. Словно кто-то стёр все до единого личные воспоминания... Всё, что я помню до того, как пришла в себя, это свет и ваше лицо. Словно ничего до этого момента не существовало вовсе. Словно я появилась, родилась, начала существовать лишь в это мгновение, когда вы спасли меня. Это, должно быть, очень странно звучит, словно я сумасшедшая... Простите меня.

– Вам не за что извиняться, – говорю с каким-то особым чувством. Словно начинаю тлеть изнутри. – С вами случилась неприятность, но всё обошлось. Главное, вы живы, относительно целы, а память со временем, скорее всего, восстановится.

– И ещё хорошо, что мне не приходится просто выходить на улицу незнакомого города в совершеннейшем одиночестве и не имея ни малейшего представления, что делать дальше, без документов, денег и каких-либо знакомых, – сдержанно улыбается она. – Спасибо, что спасли и продолжаете спасать меня.

От её улыбки сводит внутренности, которые начинают гореть. Сердце заходится в частых ударах. Кажется, того и гляди, проломит грудную клетку и шмякнется прямёхонько ей под ноги.

– Спасать людей – наша работа, – произношу механически, каким-то чужим, незнакомым голосом. – Готовы ехать? Нам нужно будет ещё заехать в пару мест...

– Да, конечно, – быстро кивает она. – Как скажете, так и будет. Теперь я полностью завишу от вас.

Её слова вызывают трепет и горечь, но я торопливо засовываю эти эмоции как можно глубже в недра сознания. Моя собственная зависимость, полностью зависящая от меня, – слишком яркая, слишком великолепная картина, для того чтобы быть правдой.

Открываю дверь, пропуская Ладу вперёд. Она шурит глаза от солнца, с любопытством осматривается по сторонам. Осторожно делает шаг за шагом, следуя за мной.

Я неторопливо довожу её до парковки, распахиваю перед девушкой переднюю пассажирскую дверцу, и любопытствующая морда Бимо мгновенно возникает перед нами.

– Ой! – удивлённо вскрикивает Лада. – У вас есть собачка!

На её лице появляются настолько счастливое выражение и радостная улыбка, что это буквально душит меня, мгновенно отправляет меня к похороненным в глубинах памяти сценам из счастливого прошлого.

Очерчиваю пальцами припухшие от поцелуев губы и прошу:

– Расскажи мне что-нибудь о своём детстве.

– Например?

Лада быстро разворачивается в моих руках, приподнимается на локтях. Её шелковистые локоны струятся по телу, скрывая от моего ненасытного взгляда красивую девичью грудь.

Я подхватываю прядки, намеренно цепляя пальцами сморщенные бусины сосков, откидываю волосы на спину, открывая чарующий вид на обнаженное женское тело, и говорю:

– Хочу знать о тебе всё, Мармеладка! Но у нас впереди ещё вся жизнь, можно не торопиться и начать с малого. – Я улыбаюсь от пришедшей на ум идеи. – Была ли у тебя в детстве мечта, которая до сих пор не сбылась, но ты не перестала об этом мечтать?

Лада обиженно надует губки и отвечает:

– Это просто, Глеб. С самого детства я мечтала о собаке, но родители были против, не позволяли мне оставить уличных дворняжек, не соглашались покупать породистую собаку.

– Ты хочешь собаку? – с усмешкой целую кончик её носа. Что ж, такую простую мечту я смогу осуществить в два счёта! – Всё равно какую или определённой породы?

– Я подумываю о корги, они такие забавные! – с горящим взглядом сообщает мне девушка. – Обязательно куплю себе корги, когда съеду от родителей!

– Когда ты съедешь от родителей ко мне, я подарю тебе щенка корги, – обещаю ей.

Лада начинает визжать от радости, бросаясь мне на шею, отыскивая губами мои губы. Наше дыхание перемешивается, становится прерывистым от быстрых пламенных поцелуев. Скользю руками по плавному изгибу поясицы, очерчиваю мягкую округлость ягодицы...

– И как же тебя зовут, собачка? – до безобразия довольный голос Лады возвращает меня в суровую реальность.

– Бимо, Бимка, Алтай, – говорю ей хрипло, с тяжестью сглатывая огромный ком, вставший поперёк горла. – Он отзывается на любое из этих имён.

– Так ты, значит, мальчик, да, Бимо? – склоняется над моим псом девушка.

Бимка с удовольствием даёт ей себя погладить и почесать за ушком, а мне вдруг думается: “Исполнил ли кто-то твои мечты вместо меня, Мармеладка?”

Сердце наполняется горечью. Внутри бурлит огненная лава сокрушающих эмоций. Мне хочется орать, крушить всё вокруг, но я лишь сильнее сжимаю челюсть да до хруста сминаю руки в кулаки, наблюдая за таким простым и искренним счастьем этой хрупкой женщины.

Неожиданно Лада начинает заливисто смеяться, и я подаюсь вперёд, чтобы увидеть, как Бимо облизывает шершавым языком её лицо.

– Нам пора ехать, – говорю из чистой вредности. Не могу больше... Не могу!.. – Успеете ещё познакомиться поближе.

– Хорошо, – испуганно дёргается Лада. Поднимает на меня взгляд – невозможный, неправильный, полный откровенного интереса – и спрашивает чуть смущённо: – Кстати, о знакомстве... Я до сих пор не знаю, как зовут моего спасителя.

– Глеб, – выдыхаю я. В её глазах молниеносно вспыхивает что-то, что мне не удаётся распознать. – Глеб Денисович Давыдов, спасатель первого класса, МЧС России.

– Глеб, – протягивает Лада, словно пробует на вкус моё имя. От знакомого звучания моего имени на её губах спина покрывается мурашками, а в груди разливается тепло. – Красивое имя, мне нравится.

“Слово в слово”, – проносится в голове, но мозг уже выдаёт реакцию, и я спрашиваю у девушки, как *тогда*:

– Разрешите и мне поинтересоваться, милая сударыня, как вас зовут?

Лада закусывает губу и улыбается. Глядя на неё, я агонизирую, горю в персональном аду, но не смею пошевелиться, отвести взгляда.

– Я не помню, – смущается она. Щеки стремительно покрываются румянцем, блестящие глаза наполняются слезами, и я торопливо заверяю:

– Не страшно. Память обязательно вернётся.

Или нет. И я, боюсь, теперь и не знаю, какой вариант для меня предпочтительней.

Стоит мне тронуться с места, как Лада, и так сидящая вполоборота и не прекращающая перебирать пальцами шерсть Бимки, чуть подаётся вперёд, ближе ко мне.

– Как вы думаете, – спрашивает она, резко выдыхая. Её жаркое дыхание врежется в мою кожу, расползается по ней, проникает под неё, проникает в кровь, бежит по венам. Словно героинщик, дорвавшийся до новой дозы спустя десять лет полной завязки, я моментально пьянею, дурею, завожусь. В тесном пространстве салона с работающим подогревом запах Лады постепенно становится всё ярче, и это лишь подстёгивает оголённые до самого предела нервы. – Раз я не помню своего имени, могу я временно взять себе другое? Мне же придётся знакомиться с людьми, как-то с ними общаться... Как-то ведь должны они меня называть.

Быстро поворачиваю голову от дороги, чтобы в упор посмотреть в её глаза. Так близко, что я могу разглядеть в них каждую знакомую крапинку. Зрачки Лады заметно расширяются, она судорожно облизывает губы, и я отворачиваюсь.

– Пока вас все называют Птичкой, но, думаю, будет уместно, если вы выберете временно имя, которое придётся вам по вкусу, – быстро говорю ей.

– Вы не могли бы мне помочь с этим? – тихо просит женщина. – Мне пока сложно сконцентрироваться, вот вижу что-то и в голове возникает название, а вычленить знакомые имена из какофонии слов в памяти – это настоящее испытание для меня...

– Просто называть вам женские имена? – перебиваю её вопросом. – Чтобы вы могли выбрать подходящее?

– Думаю, да, – соглашается Лада.

Я перечисляю:

– Оля, Лена, Таня, Катя, Наташа, Марина, Маша, Света, Оксана, Ксюша, Лиза, Полина, Ульяна, Марьяна, Алёна, Настя, Галя, Юля, Тамара, Влада...

– Стойте! – вскрикивает девушка, и я в панике бью по тормозам прямо посреди проспекта. Лада удивлённо смотрит на меня и смущённо улыбается: – Не в том плане “стойте”, что остановите машину, а в плане, что имя Влада кажется мне... *моим*. Знакомым, понимаете?

Понимаю. Прекрасно понимаю. Ведь сознательно назвал именно его, а не её настоящее имя!..

– Значит, Владой пока будете? – переспрашиваю у неё.

– Влада, Влада, Влада, – произносит она на одном дыхании. – Такое чувство, что что-то не то, словно лишнее что-то, но это имя мне нравится больше всех прочих.

– Хорошо, – киваю я. По крайней мере мне не придётся называть её Матильдой или Ефросиньей!.. – Тогда, Влада, мы почти приехали. Сейчас заскочим в полицию, и поедem дальше.

– В полицию? – пугается она, и я заверяю:

– Ничего страшного, простая формальность. Нужно оставить им адрес вашего местонахождения и контактные номера для связи на случай, если вас будут искать родные.

– А если меня никто искать не будет? Если до сих пор никто не объявился, может, у меня совсем никого нет? – задумчиво протягивает Лада. – А может, кто-то есть, но им просто всё равно? Может, я настолько плохой человек, что никому нет дела, где я, что со мной? Может, меня никто в целом мире не любит?

Она жалобно всхлипывает. Потерянная, запутавшаяся, сбившаяся с пути. Оставшаяся один на один с огромным жестоким миром, для которого она лишь частица, молекула, пыль. Но для меня именно она – целый мир. Я люблю её.

Стремительно, словно боясь передумать, накрываю ладонью её руку. Лада тихо ахает, меньше всего ожидая от незнакомца такого тесного контакта, такого интимного жеста. Но она не торопится отстраниться, не пугается. Я чувствую, как от мелкой дрожи потряхивает её пальцы, и сжимаю руку чуть сильнее.

Моё тепло перемешивается с её прохладой, и на выходе, в местах, где наша кожа соприкасается, возникает энергия – неуёмная, непоколебимая, невероятной мощи. Эта энергия поражает меня, ломает любое сопротивление, подчиняет железную волю. Заставляет сердце колотиться на износ. Заставляет кровь закипать в венах. Заставляет воспоминания причинять боль. И тут же исцеляет надеждой, наполняет верой, приносит облегчение и желание жить.

– Я уверен, что вы не плохой человек, Влада, – говорю девушке тихо и проникновенно. – И что в этом мире непременно отыщется человек, который любит вас так, словно это вы для него – целый мир.

Лада резко вскидывает на меня взгляд. Бьёт прицельно, по всем нервным окончаниям разом.

– Прямо уверены? – спрашивает с блуждающей улыбкой, едва притаившейся в уголке губ.

– Уверен, – коротко киваю ей. – Иначе просто быть не может. Вы должны верить...

– Я *вам* верю, – перебивает она. – Не знаю, почему так, но чувствую, что могу вам верить.

Тушуюсь под её взглядом. Отпускаю её руку, мгновенно ощущая холод и пустоту. Шутка ли – когда я всегда хотел её касаться, а теперь получил от судьбы такую возможность, но права воспользоваться ею не имею? И что это за подарок судьбы на самом деле: второй шанс или возмездие?

– Не стоит доверять незнакомцам, – говорю ей. – Сейчас вы особенно уязвимы из-за амнезии. Даже ваши возможные враги могут прикинуться друзьями и выжидать момента, чтобы ударить вас побольнее.

– А вам? – резко спрашивает Лада. – Вам я могу доверять?

Я вздыхаю, поигрываю желваками и отвечаю:

– Да.

Однозначный ответ. Для меня очевидный. И я хочу, чтобы Лада знала это.

– Моё присутствие вас утомляет? – неожиданно спрашивает девушка.

Я взрываюсь от смеха, и она непонимающе сканирует меня взглядом. Я чувствую это, даже не глядя в её сторону.

– Утомляет?.. – переспрашиваю, резко обрывая смех. – Нет, Влада, вы не утомляете меня. Всё, что угодно, только не это!

– И что бы это могло значить? – задумчиво протягивает Лада.

Заводит, причиняет боль, вредит, отравляет, делает цельным, заставляет делать каждый новый вдох, воскрешает давно позабытые эмоции... И ничего из этого я бы не променял на

жизнь без её присутствия в ней, на жизнь, которую вёл долгие десять лет, до того самого дня, пока не обнаружил Ладу во время обхода.

И ничего из этого я не могу ей сказать. Иначе она может оказаться под угрозой. Пока сама она ничего не помнит, я буду молчать. Я смогу держаться в стороне, приглядывая за Ладой, пока память не восстановится, пока она не решит, что делать дальше. Я буду рядом и помогу ей справиться со всем. А потом, когда она захочет уйти, просто отпущу. Именно так я должен поступить в соответствии со всеми принципами и нормами морали.

Но несмотря на принятое, казалось бы, взвешенное решение, сложно удержаться. И я поддразниваю Ладу:

– Расскажите, когда найдёте ответ на этот вопрос! – бросаю с усмешкой, скашивая взгляд на девушку. Лёгкий флирт не проходит незамеченным: Лада улыбается, закусывая губу, и томно вздыхает:

– Ох, боюсь, для этого будет мало одной совместной поездки!

– Ну это же не ралли, здесь скорость не важна. – замечаю я, поигрывая бровями. – У вас будет много времени на поиски ответа.

Всё моё время, если быть точнее. Всё равно каждая секунда моей жизни предназначена только ей.

– Значит, моё любопытство вы удовлетворять отказываетесь, – кокетливо говорит Лада. – Бросаете мне вызов?

– Это будет интересно, не сомневаюсь, – отвечаю ей, улыбаясь уголком губ. Но тут же становлюсь серьёзным: – Мы приехали.

Лада изучает вход в отделение полиции и рвано выдыхает:

– Это действительно необходимо?

– Да. Человек не может существовать без имени, без прошлого... Когда-нибудь всё встанет по своим местам, вы всё вспомните или объявятся ваши родные, вам потребуются какие-то справки, чтобы восстановить документы, чтобы как можно скорее вернуться к прежней жизни...

– Думаете, стоит? – тихо спрашивает Лада, заглядывая мне в лицо. – Думаете, прежняя жизнь была достаточно для этого хороша?

Была или нет, дело десятое. Однажды Лада уже выбрала эту жизнь, и у меня нет ни единого основания полагать, что сейчас она не поступит так же.

– Я не знаю, – снова предельно честно отвечаю ей.

– Перестаньте! – горько усмехается она. – Прошло больше трёх недель, а меня до сих пор никто не ищет. Уж не знаю, что это была за жизнь, но вряд ли она сделает меня счастливой.

– Считаете, что жизнь с чистого листа, без воспоминаний о прошлом, может сделать вас более счастливой? – спрашиваю, задерживая дыхание в ожидании ответа.

“Что будешь делать, Глеб, если она скажет “да”?” – проносится в голове стремительная мысль.

Ответа на данный вопрос у меня нет. Слишком велик соблазн воспользоваться случаем, заполнить жизнь Лады новыми воспоминаниями о *наси* новыми счастливыми моментами. Но это будет нечестно по отношению к девушке. Это будет нечестно во всех отношениях. Нельзя построить счастье на осколках двух судеб. Нельзя делать вид, что прошлое навсегда останется похоронено в моей памяти. Нельзя нарушать слово, данное самому себе. Нельзя верить, что счастье возможно, когда я так сильно виноват.

– Я думаю, что да. – прицельно бьёт прямо мне в голову Лада. И добивает: – Я не знаю, кто я, откуда, есть ли у меня близкие. Но сейчас я словно нахожусь на своём месте. Я просто *знаю*, что это правильно. Словно я очень давно искала это место и наконец нашла. Такое чувство внутри, знаете... – она подбирает слова. – Словно после долгих лет отсутствия я наконец

вернулась домой. Словно только начала жить по настоящему, хотя едва не умерла. Это действительно очень сложно объяснить словами...

– Мне хорошо знакомо это чувство, Лада, – тихо отзываюсь я. Снова предельно честно.

А как иначе, если сам я чувствую то же самое? Если сам я вернулся в тот же самый дом после долгого отсутствия?

На мгновение её взгляд смягчается, искрится от нежности. Или мне хочется этого.

Быть честным не только с ней, но и с собой крайне важно в этой непростой ситуации. Я хочу, чтобы она помнила меня, хочу, чтобы хоть немного испытывала то же, что и я. Хотя бы на одно мгновение мне хочется прикоснуться к прошлому, снова ощутить его вкус. Но я хочу, чтобы она помнила эти моменты, чтобы тоже желала этого. Дилемма.

– Нам пора? – немного разочарованно спрашивает Лада, и я также разочарованно киваю в ответ.

Время нашего пребывания в полицейском участке проходит быстро. Дела не занимают нас надолго. Я лишь расписываю адреса и номера телефонов, мы перебрасываемся несколькими фразами с капитаном, занимающимся делом Лады. Мужик он толковый, но без очевидных зацепок никому не связать найденную в горах женщину с погибшей неделей позже в Москве Ладой Львовной Крыловой. Тем лучше для меня. Тем больше времени у Лады будет на восстановление памяти, если, конечно, врачи правы и она действительно вспомнит всё. А если нет... Что ж, на нет и суда нет.

Я убеждаю себя, что мной руководит не эгоистичное желание провести с ней чуть больше времени, а лишь надежда на её спасение. Но маленький червь сомнения грызёт изнутри: вдруг я совершаю ошибку, влезая со своим мнением туда, где мне давно путь заказан?

Меня швыряет из стороны в сторону. Я путаюсь в лихорадочных мыслях, хотя внешне остаюсь совершенно невозмутим. Этому я научился за годы брака, за время принятия потери. Никому и в голову не придёт, какие страсти бурлят внутри меня, холодного, невозмутимого, отстранённого от всего и всех. Никого не подпускать к себе, никому не позволять увидеть израненное нутро – вот моё жизненное кредо. Но теперь я нахожусь под прицелом любимых глаз, полностью беззащитный перед ней. Возникает ощущение, словно она видит меня насквозь.

Чуть хмурюсь, когда Лада устало прикрывает глаза, и говорю капитану:

– Нам пора, девушка ещё слишком слаба для долгих поездок.

– Будут новости, позвоню, – кивает капитан. – Поправляйтесь, гражданочка. Ежели чего вспомните, сразу ко мне!

– Обязательно, – обещаю ему вместо Лады. Подхожу к девушке и протягиваю руку. – Давайте я вам помогу.

– Спасибо, – выдыхает она.

Я внимательно поглядываю на неё всю дорогу до парковки. Она кажется слабой, видимо, боль и переутомление после недель лежания на больничной койке сказываются. Однако на улице, она становится чуточку бодрее.

Но я все равно вежливо интересуюсь:

– Выдержите ещё одно небольшое приключение? Более приятное.

– Ну, раз более приятное, тогда выдержу, конечно! – усмехается она.

Я открываю для неё дверцу, закатываю глаза на Бимо, примостившегося на переднем сиденье, и тороплюсь сесть за руль. Задуманное, безусловно, мелочь. Капля в море. Но мне безумно хочется подарить ей немного радости и частичку прежней комфортной жизни.

Глава 5. Лада

Я немного удивлённо озираюсь по сторонам, пока следую за широкой мужской спиной в недра торгового зала большого магазина. От яркого света и обилия ламп в висках начинает зарождаться боль, лоб покрывается испариной. Я чувствую, что уже на грани. Слишком устала. Да и действие обезболивания рано или поздно закончится, и всё моё тело снова будет болеть. И я заранее содрогаюсь от этой мысли.

Глеб часто оборачивается, чтобы убедиться, что я иду за ним. Этот мужчина вызывает в моей душе волнение, трепет. Мне приятно, что он бросил все дела и возится со мной. Мне приятна его компания. А его вертлявый пёс внушает мне какое-то безоговорочное доверие к своему хозяину. Я уверена, он не желает мне вреда.

– Выбирайте всё необходимое, – врезается в мои мысли голос Глеба. – Ну, и всё, что пожелаете...

Он поспешно отворачивается, не оставляя мне возможности посмотреть в своё лицо. Я пытаюсь сдержать улыбку – чуть недоверчивую, смущённую, но губы упрямо растягиваются в разные стороны.

Мы посреди отдела с женской одеждой. Здесь имеется всё: от нижнего белья до обуви и шуб. Чтобы не занимать его время, которого он и так уже потратил немало, решаю не задавать глупых вопросов, а просто хожу между рядами, снимая вешалки. Несколько практичных комплектов нижнего белья, аккуратных, но симпатичных; хлопковые футболки спокойных оттенков в количестве пяти штук, джинсы, свитер, спортивный костюм, несколько пар носков.

Глеб невозмутимо смотрит на кипу одежды в моих руках и перехватывает её, когда я в очередной раз появляюсь в поле зрения.

– Обувь и куртка, – говорит мне, кивая головой в сторону стеллажей с кроссовками. Я бросаю взгляд на свои ноги, обутое в единственный уцелевший предмет гардероба из своей прежней жизни – удобные высокие спортивные ботинки, и Глеб, перехватив мой взгляд, добавляет: – Скоро похолодает, советую посмотреть какие-то дутики или валенки.

– Спасибо, так и поступлю. – Направляюсь напрямик к сапогам, но не выдерживаю и спрашиваю у мужчины, следующего за мной: – Надеюсь, все эти покупки... Это не слишком обременительно для вас?

Взгляд Глеба темнеет, но он улыбается мне одними губами:

– Вам не о чем беспокоиться, я не бедствую.

– Я не имела в виду, что вы кажетесь мне не достаточно обеспеченным. – смущаюсь я, чувствуя, как щёки становятся горячими. Неловкий момент, ведь я вовсе не хочу его зацепить или невольно обидеть!.. – Я помню, что вы работаете спасателем, наверняка, у вас приличный заработок. Но, вероятно, у вас есть свои планы, в которые не вписывается покупка гардероба для чужого человека.

– У меня весьма скудные траты и весьма приличные накопления ввиду этого, я могу себе позволить помочь человеку, попавшему в беду. – непонятно с чего злится он.

– Окей, – примирительно поднимаю руки и говорю ему. – Простите, что поинтересовалась. Я просто переживаю, что создаю вам слишком много проблем.

– Послушайте, Влада, – морщится он. – Вы не можете ходить голая, а в посёлке не так много женщин, которые могут помочь вам вещами. Очевидно, что своей одежды у вас нет, как и пока нет собственных средств на её приобретение, поэтому всем будет проще, если мы сразу купим вам всё необходимое, пока не уехали из города. Это не напрягает, не обременяет меня. И это ничего не будет стоить для вас – если вдруг вы решили, что от вас что-то потребуют взамен, это не так. Иногда нужно просто принять руку помощи, безо всяких “но”, хорошо?

Нерешительно киваю мужчине:

– Хорошо.

– Вот и чудно. – констатирует он. – Выбирайте всё необходимое; всё, что посчитаете нужным. Часто ездить в город не получится, поэтому лучше заблаговременно похлопотать о том, чтобы у вас был приличный запас вещей на все случаи жизни. И, пожалуйста, не думайте, что создаёте этим проблемы. Мне будет приятно позаботиться о вас, Влада.

Глеб улыбается. Колючий взгляд смягчается, словно... словно... словно его слова значат что-то большее банальной вежливости. Сердце ёкает в груди. Хочется расплакаться, но я держу себя в руках.

Мой мир разрушен и больше никогда не станет прежним. Как знать, возможно, на его руинах мне удастся взрастить нечто новое?

Выбрав две пары сапог – утеплённые резиновые на случай сырости и зимние дутики на морозы, я беру первые попавшиеся тапочки и верчу их в руках. Понятия не имею, где буду жить и понадобятся ли мне эти пушистые тапки, но Глеб уверенно выхватывает их из моих рук, водружая сверху разрастающейся горы предстоящих покупок.

Я замечаю среди вешалок вещи, которые не выбирала, но ничего не говорю. Не уверена, что смогу переспорить мужчину, поэтому решаю сказать после примерки, что что-то из одежды не подошло по размеру.

Но, когда я захожу в кабинку, Глеб садится на пуфик в соседней и бросает:

– Показывайте наряды, как наденете, я посмотрю со стороны, чтобы всё было идеально. – Я нервно хватаю первую попавшуюся под руку вешалку, невидящим взглядом изучаю чёрное кружевное бельё и смущённо стреляю взглядом на Глеба: успел ли заметить? О, да! Он успел!.. Лицо мужчины покрывается красными пятнами, и он поспешно добавляет: – Кроме этого.

С моих губ слетает смешок, и я спрашиваю:

– Не по вкусу чёрное? – Резко задёргиваю шторку и крепко зажмуриваюсь.

Мозги, что ли, отшибло?! Веду себя как идиотка!

От этой мысли я начинаю тихо смеяться, и Глеб вырастает за шторкой.

– Влада? У вас всё в порядке?

– Да, простите, Глеб... – Я выглядываю и упираюсь взглядом прямо в его обеспокоенное лицо. – Это нервы. Так стараюсь не напортчить, а получается, кажется, только хуже! Вы, наверное, уже сто раз пожалели, что связались с такой дурой!..

– Нет, я не стал бы жалеть, даже будь вы сто раз дурой, но это не так. – заверяет Глеб со странным выражением на лице. Не берусь анализировать его поведение, пока просто приглядываюсь. – Вы очаровательны, хоть и немного рассеяны, но ваше состояние легко можно понять, учитывая пережитое.

– Вы очень добры ко мне, – шепчу ему. Хотела бы я знать *почему*!

Он смотрит пронзительно, забираясь взглядом под кожу. От этого взгляда хочется сжаться – до того он осязаем! Но я выдерживаю его.

– Примеряйте обновки, – усмехается он наконец.

Я киваю, снова прячась за шторкой. Напрягаю слух, но не различаю звука его шагов. Как в тумане сбрасываю вещи, чувствуя лёгкое головокружение. Он что, так и остался стоять за шторкой? Доступны ли его взору случайные отражения меня, примеряющей нижнее бельё?

Эта мысль волнует меня не на шутку. Кожа покрывается мурашками, стоит представить, что за мной тайком наблюдает Глеб. Из-за внутреннего волнения меня начинает слегка лихорадить. Руки потряхивает, движения становятся неуклюжими, и я с досадой думаю, что снова только всё порчу. Тоже мне, соблазнительница нашлась, с трясущимися поджилками!

Закончив с бельём, даже выдыхаю с облегчением. Надеваю джинсы, футболку, свитер и распахиваю шторку. Глеб стоит прямо за ней, упираясь рукой в каркас соседней кабинки. Нависает надо мной, окидывая тяжёлым взглядом.

“Он всё видел”, – проносится на задворках сознания, но виду я не показываю.

– Вот, – очерчивая небрежным жестом руки своё тело, говорю мужчине.

Он отрывает руку, приближается ко мне. Горячие ладони ложатся на мои плечи, и я судорожно втягиваю носом воздух. Кажется, сейчас он поцелует меня. Легонько толкнёт назад, в кабинку, задёрнет шторку и будет целовать, пока не наступит конец света. Ох, ну что за крамольные мысли?..

Глеб легонько толкает меня назад, быстро разворачивая перед собой. Я вижу в зеркале своё отражение. Лицо пылает, глаза лихорадочно блестят. Рядом возникает невозмутимо спокойное отражение Глеба. Он становится *слишком* близко ко мне: в спину упирается широкая грудь, и я чувствую его горячее дыхание на виске.

Пространство внутри тесной примерочной кабинки сужается. Как-то резко перестаёт хватать воздуха. Соски моментально твердеют и явственно выступают под гладкой поверхностью бежевого свитера мелкой вязки. Между ног становится слишком горячо – я едва могу устоять спокойно, игнорируя желание скрестить ноги.

Глеб проводит ладонями от плечей вниз, вдоль моих рук, и я закусываю губу, чтобы не начать умолять его об одном крошечном поцелуе. Какая же я жалкая!

– Мне нравится, – хрипло говорит Глеб почти в самое ухо. Его обжигающее дыхание опалает ушную раковину, плавит мозг, сжигает волю. Сердце взлетает к самому горлу, и я выдаю в ответ нечто невразумительное:

– Оу, ммм, окей.

Неожиданно мужская ладонь ложится чётко поверх ягодицы. Глеб смотрит прямо мне в глаза и выдыхает:

– Идеальная посадка, я срываю бирку.

Стоп. Что?!

Мне сложно собрать мозги в кучу, поэтому я непонимающе смотрю через зеркальную поверхность, как мужчина быстро цепляет пальцами бумажку, пришитую к заднему карману джинсов, и резко дёргает за неё.

– Так-то лучше! – подмигивает он мне, показывая картонку с названием фирмы. – Промеряйте дальше.

Мужчина оставляет меня в одиночестве, задёргивая шторку, и я едва не падаю – ослабшие вмиг ноги отказываются меня держать. Хватаюсь пальцами за зеркало, прижимаюсь щекой к прохладной глянцевой поверхности и стою так некоторое время, глядя себе в глаза.

Я же не одна чувствую, как искрит между нами? Я же не сошла с ума?

К счастью или к сожалению, остаток примерки проходит без столь тесного взаимодействия. Когда я надеваю следующий комплект одежды и сдвигаю шторку в сторону, Глеб предельно собран и отстранён. И больше не вторгается в моё личное пространство, вызывая такие мысли, которые только с очень большой натяжкой можно назвать приличными.

Пребывая в этом странном состоянии, я забываю про свой план по избавлению от нескольких вещей и вспоминаю об этом уже после того, как Глеб прикладывает карту к терминалу, оплачивая покупки. По дороге к выходу из торгового центра мужчина предлагает мне заглянуть в магазинчик с косметикой и парфюмерией. Довольно настойчиво, надо сказать.

Он попросту тормозит у входа, обвешанный пакетами с одеждой и обувью.

– Внутри с этим не пойду, – предупреждает он. – Ещё снесу всё со стеллажей. Но вы идите и выберете всё необходимое.

– Да мне ничего не нужно, – отнекиваюсь я.

– Глупости! – закатывает глаза Глеб. – Крем, тушь, не знаю, помада наверняка понадобится. Шампунь, дезодорант, всякие женские штучки... – Он слегка краснеет. – Ей-богу, когда вы увидите местный магазин, вы станете жалеть, что не послушали меня раньше.

– Думаете?

– Знаю, – кивает он. – Возьмите карту и купите всё, что вам нужно.

Взглядом он показывает на нагрудный карман рубашки, куда запихнул пластиковый прямоугольничек. Я едва заметно киваю и подхожу к мужчине; привстав на цыпочках, скольжу пальцами в карман и хватаю карту.

Мнусь, но всё же спрашиваю:

– Пин-код?

– 0506, – ни на секунду не задумываясь, выдаёт Глеб.

Я открываю рот, но внимательный взгляд мужчины мгновенно тормозит рвущийся возглас удивления.

– 0506, – послушно повторяю цифры. – Я быстро.

Не дожидаясь ответа, резко разворачиваюсь на пятках и скрываюсь в магазине. Подальше от его глаз.

Беру крем для ухода за кожей лица, крем для рук, по паре бутылей шампуня и геля для душа. Дезодоранты – спрей и стик. Поразмыслив немного, набираю несколько бальзамов для губ. Впереди холода, которые я проведу высоко в горах, мне однозначно потребуется какой-то минимальный уход. Просто на всякий пожарный случай прихватываю простенькую тушь, жидкую подводку и палетку теней. Скромная помада цвета пыльной розы завершает список покупок.

Уже у самой кассы я бросаю взгляд на средства для женской гигиены и складываю в корзину для покупок запас прокладок и тампонов, рассчитанный примерно на полгода.

Расплатившись и тщательно упаковав всё по пакетам, я выхожу из магазина и застаю Глеба на том же месте. Кажется, он так и стоял, не двигаясь за время моего отсутствия ни на миллиметр.

– Всё взяла, – говорю ему, показывая два небольших пакета. – Спасибо.

– Да не за что, – усмехается он. Я подхожу ближе, опускаю банковскую карту в его карман. – Право слово, это самое меньшее из того...

Глеб резко замолкает, когда мне невыносимо хочется узнать продолжение. Самое меньшее из *чего*?

– Пойдёмте? – спрашиваю, не дождавшись продолжения. – Наверное, вам тяжело держать все эти баулы...

– Тяжело? – веселится он. – Мне прекрасно известно, что такое “тяжело”... А пакеты... Вовсе нет.

Я пожимаю плечами. Немного странный он всё-таки.

Мы доходим до машины, и Глеб ставит пакеты в багажник.

– Перед выездом нужно немного погулять с Бимо и зайти в продуктовый магазин. Можем прогуляться вместе, если вы не устали. – Он показывает дорогу через сквер. – Или можете подождать в машине, я быстро свожу пса на прогулку, потом сделаем крюк, и я заскочу в магазин.

– Я не устала, – заверяю его, хотя чувствую слабость. Но ни за что не признаюсь ему в этом. Нащупываю в кармане бумажку с назначениями и, помявшись немного, говорю: – Глеб, я совсем забыла... Тут вот. Ещё в аптеке нужно кое-что прикупить.

Он поджигает губы. Мне неловко, что мужчине приходится тратиться на меня, и я уже хочу извиниться, как он укоризненно вздыхает:

– Это самое важное, что нужно было покупать в первую очередь, как вы могли забыть? Хорошо, что ещё не уехали, Влада!..

– Ну простите, – улыбаюсь ему. – Я не специально. Просто так всё быстро происходит, а я словно до сих пор лежу на больничной койке...

– Я понимаю. – перебивает он. – Нужно было самому всё разузнать у вашего лечащего врача. Возле супермаркета есть аптека, давайте список, всё купим.

– Спасибо, Глеб, – тихо говорю ему.

Он кривовато улыбается, открывает дверцу и подхватывает на поводок собаку. Бимо первым делом бросается ко мне и вертится возле ног, периодически запрыгивая на них. Я смеюсь и наклоняюсь, чтобы обхватить его пушистую морду. Глеб подходит ближе, становится рядом со мной. Наклоняется, чтобы погладить пса по голове.

Наши плечи соприкасаются. Мужчина тихо выдыхает и делает глубокий вдох – с таким наслаждением, словно очень давно не дышал.

– Счастлив до безобразия, – замечает он. Не сразу я понимаю, что Глеб говорит о Бимо. – Ему нечасто перепадает женская ласка...

“А тебе, Глеб?” – хочу спросить я, но вовремя прикусываю язык. Не думаю, что имею право задавать такие личные вопросы. К тому же, скоро я и сама это пойму. Да и как не понять, если, как сказал сам Глеб, в посёлке живёт не так много женщин? И если одна из них имеет виды на этого мужчину... Это точно не пройдёт мимо моего внимания.

Мы приезжаем в горный посёлок затемно. Я вглядываюсь в горящие уютным светом окна жилых домов, испытывая волнение. Где и как я буду теперь жить? С кем меня поселят? С Глебом?

Мужчина доезжает до погруженного в темноту дома и чуть разворачивается ко мне:

– Покупки занесу пока к себе. – Он тормошит пса, сопящего на мне – стоило нам выехать из города, как Бимо забрался ко мне на колени и проспал так всю дорогу. – Вставай, дружок, мы дома.

Заслышав знакомое слово, сулящее долгожданный отдых и обещание вкусного ужина, Бимо ловко перебирается на водительское кресло, едва Глеб покидает салон. Забавно повертев задом, словно присматриваясь для удачного приземления, пёс спрыгивает и семенит к калитке, иногда оборачиваясь на меня. Словно удивляется, почему я не иду вместе с ним.

Какой же он смешной! Мне хочется с ним подружиться, хочется тискать без конца, хочется иметь такого верного компаньона. Собаки, в отличие от людей, не предадут, не бросят. И я прекрасно вижу, что Глеб по настоящему привязан к своему питомцу. Возможно, ближе Бимо у мужчины никого и нет, не знаю, но меня радует, что есть хотя бы он, маленький пушистый друг.

Глеб в две ходки перетаскивает все сумки в дом. Не думаю, что раскладывает что-то из продуктов по местам, ведь его походы не занимают много времени, однако в одном из окон загорается тусклый свет, который хозяин оставляет включенным, несмотря на то, что кроме пса, очевидно, в доме никого нет.

Глеб снова устраивается за рулём и заводит мотор.

– Ну, – протягивает сухо. – Поехали знакомиться.

– Знакомиться с кем? – спрашиваю я.

– С новой жизнью, – быстро глянув на меня, отвечает мужчина.

Какой она будет, эта жизнь? Я не знаю. Но знаю, что буду жить её на полную и непременно буду счастливой. Судьба не разбрасывается вторыми шансами просто так, и раз уж я оказалась здесь в отчаянном положении, значит, так и должно быть.

Через несколько минут мы на месте. Глеб останавливается возле вытянутого одноэтажного здания, явно административного. Возле входной двери табличка, которая гласит, что это штаб подразделения “Катунь” Алтайского ПСО.

За дверью тепло, пахнет какой-то едой, слышится гомон голосов, который смолкает, стоит нам войти в большую комнату, где за столом сидят трое мужчин и одна женщина. Взгляды всех присутствующих устремляются ко мне, и я неуверенно переступаю с ноги на ногу, прячась за плечом Глеба Давыдова.

– Ну наконец-то! – восклицает по виду самый старший из мужчин. – Мы уж вас заждались!

– Я решил позаботиться о гардеробе для Влады... на первое время, – объясняет Глеб, жестом приглашая меня выйти вперёд. – Имя выбрали тоже временное. Влада, разрешите вам представить: Аркадий Степанович Минский, руководитель нашего поисково-спасательного отряда. Именно он предложил вам работу, взяв под свою ответственность.

Я подаюсь вперёд и протягиваю руку, которую мужчина тут же пожимает.

– Спасибо, Аркадий Степанович. Я очень признательна вашему предложению и понимаю все риски, учитывая, что обо мне ничего не известно. Надеюсь, вам не придётся разочаровываться в принятом решении.

– Вы кажетесь мне приличным человеком... Влада, да? – уточняет он, и я киваю. – Я рад, что вы целы. Вот увидите, здесь вы найдёте новую семью, раз уж были одиноки, по всей видимости, до происшествия. У нас работают простые, добрые и честные люди, царит прекрасная здоровая атмосфера в коллективе. Мои ребята примут вас и помогут, не переживайте на этот счёт.

– Хорошо, не буду, – смеюсь я. – Уже успела заметить, что спасатель – это не просто профессия, а, скорее, призвание. Глеб Денисович очень мне помог и поддержал сегодня. Спасибо ему и вам за это.

Аркадий Степанович слегка разворачивается, обращаясь к сидящим за столом:

– Ребята, знакомьтесь с новенькой.

Первой встаёт женщина. Она старше меня, ближе к возрасту Глеба, ближе к сорока годам. Но представляется просто:

– Марина, оператор. Принимаю сигналы о бедствиях и происшествиях, координирую работу спасателей.

– Влада, – отвечаю ей.

– Добро пожаловать в наш дружный коллектив, – тепло улыбается она мне. Мельком смотрит в сторону Глеба и чуть поджимает губы. – Это спасатели нашей смены, которые эвакуировали вас до медицинской службы, Иван и Василий Саныч. Николай отскочил, скоро вы познакомитесь. Ну а с остальными встретитесь уже завтра и в ближайшие дни.

– Спасибо большое... за всё, – говорю всем им разом. – Пока все эти события не укладываются в голове, но я думаю, что теперь быстро начну втягиваться.

– Сегодня был нагруженный день, – доносится до меня голос Глеба. – Наверное, пора заселяться и отдыхать. Куда вы её определили?

– В дом Марьи Андреевны. – говорит руководитель ему и поясняет специально для меня. – Дом небольшой, конечно, но чистенький и светлый. Всякая кухонная утварь, мебель имеется. Марья Андреевна печку топила дровами, брала в сарае у Глеба Денисовича – он ближайший сосед. Думаю, и вам в помощи не откажет, да, Давыдов?

– Не откажу, – усмехается он.

– Марина Сергеевна всё там намыла, свежее постельное бельё постелила, на сегодня переночевать хватит, а там пообвыкнетесь и со всем разберётесь.

– Хорошо, спасибо. – киваю Аркадию Степановичу. – Когда мне нужно приступать к работе? И что это за работа?

– Завтра проснётесь, осмотритесь, вещи разложите. И подходите ко мне в штаб, я вам всё покажу и расскажу, обсудим график и всё остальное, – потирает руки большой начальник. – А пока – отдыхать!

Мы прощаемся. Глеб не говорит ни слова, пропуская меня в коридор, но самого мужчину тормозит за руку Аркадий Степанович.

– Глеб, насчёт трат, прикинь, по сколько нам скинуться, чтобы тебе возместить, – тихо говорит он, но я всё равно разбираю.

– Да не нужно ничего возмещать, – отмахивается Глеб. – С меня не убудет. У меня расходов, разве что, на корм Бимке, больше ведь нет никого. А у ребят – у кого семьи, дети. Не нужно, Аркадий. Всё в порядке.

– Смотри, Глеб. Ежели что, свистни. Мы своих в беде не бросаем, знаешь же.

– Знаю, – вздыхает Глеб. – Давайте тогда, до завтра. Провожу новую соседку да покажу, как с печью обращаться и всё остальное по хозяйству.

– Глеб, нужна помощь? – заинтересованно спрашивает Марина. Достаточно громко, чтобы я *точно* услышала.

– Спасибо, Мариш, справимся сами, – отвечает ей Глеб. – Я к тётке Маше как по часам ходил, всё там знаю.

Он выходит из комнатухи, догоняет меня. Поравнявшись, заглядывает в лицо и ободряюще улыбается.

– Значит, соседями будем? – спрашиваю у мужчины, едва сдерживая улыбку.

– Значит, будем, – пожимает плечами он. Якобы равнодушно, но я успеваю заметить проскользнувшее в его взгляде облегчение и что-то ещё.

Что-то, что заряжает меня верой и надеждой.

Глава 6. Лада

Посёлок небольшой: примерно двадцать жилых домов, штаб, столовая, магазин, общественная баня. Чтобы пройти его весь неторопливым шагом, получаса хватит за глаза! И мы довольно быстро проходим по центральной улице, сворачиваем в тупик и останавливаемся у двух последних домов. Дальше – только лес, постепенно поднимающийся в горы.

Глеб указывает на домик с резными наличниками.

– Здесь жить будете. Мой дом, как видите, совсем рядом, между участками есть калитка. Идёмте, я покажу вам дровницу.

Я молчаливо следую за ним. Его территория выглядит необитаемой. Несколько деревьев, никаких грядок или теплиц. Словно он просто сравнял тут всё под газон и периодически стрижёт траву, чтобы участок не зарос. Мы доходим по вытоптанной дорожке до крепкого сооружения без дверей, где вдоль стен от пола и до самого потолка выложены ровные рядки нарубленных дров.

Глеб берёт в углу тележку, накладывает с горкой дрова и идёт через весь участок к забору.

– Вот тут калитка, она неприметная, но при свете дня обнаружить нетрудно. Если закончатся дрова, можете брать без спросу. Удобств в доме никаких, – он усмехается себе под нос, но никак не комментирует. Зато, стоит нам попасть на соседний участок, указывает на небольшое сооружение у дальней стороны забора. – Нужник вон там. Имеет смысл ставить на ночь ведро, чтобы не приходилось бежать до туалета. Уж простите, такова деревенская жизнь.

– Возможно, моя прошлая жизнь мало отличалась от этой, – немного резковато говорю ему. – Подобная перспектива не вызывает у меня отторжения.

Он пожимает плечами и продолжает вводить в курс дела:

– В основном, все моются в общественной бане. Четверг и воскресенье женские дни. Из доступных альтернатив: нагреть воду в кастрюле и помыться в тазу прямо в доме. Вроде у Марьи Андреевны даже небольшое корытце имелось, что-то вроде детской ванночки. Либо можете обращаться ко мне, у меня своя баня, топлю почти каждый день. Париться и перегреваться вам после операций, пожалуй, пока не стоит, а вот ополоснуться без проблем пушу, если ничего не смущает. Всё ближе, чем в общую баню бегать.

– Спасибо за щедрое предложение, – тихо благодарю его. Жар снова приливает к щекам, а в голове ярко рисуются картинки тесного закутка бани с приглушённым светом, где мы случайно очутились вдвоём...

Пока я витаю в облаках, мы успеваем достигнуть невысокого порога, и Глеб отыскивает в одном из вазонов ключ. Быстро справившись с замком, мужчина проходит в дом первым, попутно включая везде свет.

– Небольшая кухня, зал и спальня. Есть две кладовки. Отопление от печи. – Глеб заводит меня в чистую кухню, настолько маленькую, словно в кукольном доме. – Дрова тётя Маша хранила здесь же, возле печи. Можно и на террасе сгрузить...

– Пусть будут здесь, – отзываюсь я. В голове всё вверх дном. Как я справлюсь с бытом в деревенском доме самостоятельно?

– Хорошо, – покладисто соглашается мужчина и быстро перетаскивает с улицы охапки дров.

У него всё получается слаженно. Он разжигает печь, проверяет, чтобы пошло тепло. Показывает, в каком положении нужно держать заслонку печи, как включить воду и как – газ. Я пытаюсь всё запомнить, но паника накатывает с жуткой головной болью и тошнотой.

Глеб уходит в свой дом, чтобы принести мои вещи, а я, борясь с подкатывающими рыданиями, наливаю и ставлю чайник и плюхаюсь на табурет, не решаясь пойти изучать новый дом.

– Влада, – тихо зовёт меня мужчина. – Куда ставить пакеты?

– Бросьте у входа, потом разберусь, – глухо отзываюсь я.

Он выбирает из всех сумок одну и приносит в кухню.

– Некоторые продукты для вас, завтра занесу ещё.

– Спасибо, – шепчу я, начиная плакать. Ничего не могу поделать, слёзы просто льются из глаз.

Как, должно быть, жалко я выгляжу! Но мне всё равно. В больнице я была окружена людьми. Даже если лежала в палате за закрытыми дверями, знала, что стоит выйти в коридор, встречу множество людей. А теперь я остаюсь совершенно одна, и это осознание впервые пугает меня.

Глеб вздыхает. Подходит ближе, опускаясь на корточки, и заглядывает в моё лицо.

– Что случилось? Устали, болит что-то, что-то беспокоит?

– Всё беспокоит! Вдруг у меня не получится топить печь? Вдруг я не справлюсь? Мне так страшно, Глеб! Я совершенно не готова оставаться одна...

Он поджимает губы.

“Не отталкивай меня!” – требую мысленно. И он, словно читая мои мысли, берёт меня за руки и говорит:

– Я помогу вам адаптироваться, научу топить печь, справляться с любыми бытовыми проблемами, хорошо? Я понимаю, как сложно очнуться в новой реальности, и вы всегда можете отправиться в социальный центр, если сочтёте, что всё это для вас слишком. – Он улыбается. – Но что-то мне подсказывает, что в душе вы настоящая бунтарка и с лёгкостью справитесь со всеми сложностями. А я буду рядом, в соседнем доме, и помогу вам.

Я смеюсь и плачу. Тепло его ладоней, бережно сжимающих мои руки, согревает душу. И несмотря на глубокую осень и кажущуюся непроходимой безнадежную ситуацию, в ней расцветает весна.

Пока я, хлюпая носом, пытаюсь взять себя в руки, Глеб хозяйничает на кухне. Разбирает пакет с провизией, сооружает бутерброды, заваривает и разливает по чашкам ароматный чай.

Выставив чашки на блюдечке на стол, он занимает соседний стул и улыбается мне.

– Наверное, проголодались?

– Не знаю, – честно признаюсь ему. – Не понимаю. От стресса кажется, что кусок в горло не полезет.

– Ну что же вы? – мягко и деликатно спрашивает Глеб. – Вы в безопасности, у вас есть работа, крыша над головой. Это куда больше, чем есть у других людей, попавших в такую же непростую жизненную ситуацию.

– Да, наверное, – пожимаю я плечами. – Честно признаться, меня пугает одиночество. Нелегко, знаете ли, принять, что никому не нужен. Вам, вероятно, неизвестно это чувство, а мне, стоит лишь подумать, что вы сейчас уйдёте к себе домой и я останусь совсем одна, как сковывает неясный страх, оцепенение... Я совершенно не готова остаться одна. Возможно, тут есть какое-то общежитие, или я могла бы ночевать в штабе, ведь там наверняка кто-то дежурит по ночам...

– Вы привыкнете, – перебивает мужчина. – Вот увидите, всё образуется. Знаете, у меня появилась прекрасная мысль! Давайте сегодня я посижу в доме, пока вы не уснёте? Вам будет спокойнее, что кто-то есть рядом, а потом я тихонько покину вас.

– Наверное, это будет уже верхом наглости с моей стороны, если я соглашусь на подобное!... – вспыхиваю я.

– Вовсе нет, – успокаивает Глеб. – Я предложил вам сам этот вариант, он устраивает меня, если устроит вас. Ну же, Влада, решайтесь... Я не маньяк и не какой-то извращенец, честное слово!

Я смеюсь:

– Скажете тоже! Вот на кого вы меньше всего похожи, так это на маньяка! И тем более, если бы хотели, давно бы причинили вред. А потом сказали бы, что я от вас сбежала. Делов-то!

– Но причинять вам вред я не хочу, – подводит он итог. – А теперь вы должны поесть, выпить чаю, а я поставлю вскипятить воды, чтобы вы умылись перед сном.

Уже лёжа в кровати, я беспокоюсь ёрзаю, постоянно оглядываясь на кресло, где сидит мужчина. В доме ещё свежо, и, несмотря на одеяло, толстое покрывало и тёплый спортивный костюм, я никак не могу согреться в достаточной степени, чтобы меня наконец сморил сон. А Глеб, хоть и сбежал домой переодеться, расслабленно сидит в углу комнаты. В темноте мне не видно, куда направлен его взгляд, но почему-то кажется, что он наблюдает за мной.

Примерно через час я не выдерживаю и протяжно выдыхаю:

– Не могу так! Не могу сомкнуть глаз, без конца думая о вашем дискомфорте!

– Мне весьма комфортно, – усмехается он в темноте. – Может, мне стоит уйти?

Я качаю головой, забыв, что Глеб не может этого разглядеть.

– Нет. Я не хочу, чтобы вы уходили.

– А чего же вы хотите? – снова усмехается он. Я молчу, кусая губы. – Могу составить вам компанию на кровати.

Сердце делает кульбит. Мне не послышалось? Он предложил... что?

– Хотите прилечь? – спрашиваю свистящим шёпотом.

– Если этого хотите вы, – уточняет мужчина.

С губ слетает нервный смешок:

– Думаю, так я усну быстрее!

Он резко поднимается, отчего под ножками кресла скрипит пол. Моё сердце тоже скрипит, трещит, трепещет, с лязгом срывается. Пока я наблюдаю, как Глеб медленно пересекает комнату, чтобы приблизиться ко мне, меня бросает то в жар, то в холод. Поджилки трясутся... от страха ли? от предвкушения?

Словно замороженная смотрю, как мужчина откидывает край одеяла и быстро, словно может передумать, ложится рядом со мной. Он деликатно подтыкает сдвинутое одеяло под меня, образуя этаким кокон, в котором я лежу, будто огромная гусеница или, скорее, шаурма.

– Так лучше? – спрашивает скептически, устраиваясь удобнее на соседней подушке. Его лицо оказывается в считанных сантиметрах от моего. Я чувствую его жаркое, тарахтящее дыхание, которое он всеми силами сдерживает, чувствую вибрации матраса от каждого исполненного вдоха-выдоха и... неожиданно успокаиваюсь.

– Гораздо лучше, – говорю ему. – Спасибо! Спокойной ночи, Глеб.

Плаваясь в тепле человеческого присутствия, его, Глеба, присутствия, я прикрываю глаза, чтобы не смущать мужчину, но продолжаю наблюдать за ним через опущенные ресницы.

Через некоторое время он тихо – практически одними губами – произносит:

– Спокойной ночи, Лада.

Горло сдавливает спазм, и лишь огромным усилием воли мне удаётся сдержать слёзы.

Тогда

Июль. Жаркий, душливый июль, который я впервые провожу в городе. Совсем недавно отгремели школьные экзамены и выпускной, месяц назад, 5 июня, я встретила своё совершеннолетие, а теперь рассылаю заявки в ведущие вузы страны.

Три дня назад родители уехали в деловую поездку, впервые оставив меня одну. Условно одну. Технически каждый день ко мне заглядывает моя старая няня, которая приносит мне обед и ужин, а ещё за мной условно приглядывает мама моей подруги Ники, наша соседка Светлана Александровна.

Стоит вспомнить Нику, по большой квартире разносится развесёлая трель звонка, и я, предварительно выглянув в глазок, отпираю все засовы.

– Привет, – пыхтит Ника, вваливаясь ко мне. – Ну и жарко на улице, просто пипец!

Она швыряет сумку по коридору, и та глухо шмякается об паркет.

– Провалила? – с замиранием сердца спрашиваю у неё.

Ника фыркает:

– Сдала на отлично!

Мы кричим, визжим и скачем, обнимая друг друга. Бедные мои соседи! Но новость, что Вероника сдала свой последний экзамен и окончила первый курс, гораздо важнее их комфорта.

– А мы решили поехать на Алтай! – сообщает мне Ника. – Поехали со мной, Лада! Пожалуйста!

– Мы – это кто? – спрашиваю я, меняясь в лице. Очевидно же, что родители никогда меня не отпустят!..

– А... Да так, несколько девчонок и парней с моей группы, не бери в голову. – отмахивается подруга. – Я уже всё придумала, мама отмажет тебя перед родаками.

– Не думаю, что это хорошая идея, – испуганно говорю ей. – Мне кровь из носу нужно поступить.

– Ты окончила школу с золотой медалью, обязательно поступишь в любой вуз. А такое лето у нас может выдаться одно!

Через два дня мы садимся в купе скорого поезда. Половина вагона, если не больше, заняты сокурсниками Ники, и я чувствую себя среди них белой вороной. Вчерашняя школьница в компании второкурсников! До сих пор не понимаю, как согласилась!.. И как только родители позволили?!

Я занимаю верхнюю полку и открываю электронную книгу, но постоянно отвлекаюсь на болтовню соседок по купе.

Моя Ника, Лена и Наташа. Они трещат без умолку. Обсуждают недавнюю сессию, преподав, парней, поездку. И так несколько часов подряд.

К вечеру в купе набиваются их друзья. Кто-то из парней приносит выпивку, кто-то – гитару, и я поджигаю губы.

– Как зовут, сладкая? – спрашивает парень с колечком в носу.

– Отстань от неё, Ромашка! – угрожающе говорит Ника. – Это моя младшая сестра.

Парень хмыкает:

– А имя у тебя есть, младшая сестра? Туризм предполагает очень тесную, порой, ограниченную общину. Странно не знать, кто спит в соседней палатке.

– Лада, – говорю быстро, только чтобы отстал.

– А меня Ромой зовут, сладкая. Замёрзнешь, приходи в мой спальник, я быстро тебя отопгрею.

Все смеются над его словами, а я вспыхиваю. Неуклюже соскакиваю с полки и выхожу из купе, слыша, как Ника начинает отчитывать этого Рому. Зря я поехала!..

Покачиваясь от движения состава, дохожу до туалетного тамбура и натываюсь на молодого мужчину. То, что это не такой же студент, почему-то понятно сразу.

Навскидку ему лет двадцать пять, может, тридцать. Футболка плотно облегает мускулистое тело, шорты открывают вид на развитые икроножные мышцы; руки и ноги покрыты грубыми, жёсткими волосками; взгляд серьёзный, внимательный.

– Очередь? – спрашиваю у него немного взволнованно. Меня смущает и его взгляд, и его присутствие в тесном закутке перед туалетом, куда я направляюсь, и то, что намерение это очевидно для незнакомца.

– Да, – просто отвечает он, продолжая разглядывать меня.

– Тогда за вами буду.

Не успеваю я это произнести, как из туалета выплывает женщина. Незнакомец придерживает дверь и говорит мне:

– Проходите вперёд.

Пожав плечами, я захожу внутрь, тяну на себя дверь, которую удерживает мужчина.

– Спасибо, – говорю ему, смущённо улыбаясь.

Дверь поддаётся и хлопает между нами. Я быстро прокручиваю защелку и делаю свои дела. Умывшись прохладной водой, покидаю туалетную комнату, но незнакомца и след простыл.

Мне не хочется возвращаться в купе, где тусуются друзья Ники, поэтому я встаю у окна, чуть в стороне от входа в купе, откуда слышится смех и звуки переборов струн гитары.

Неожиданно двери купе открываются, и я натыкаюсь на взгляд незнакомца. Неужели я ошиблась и он тоже однокурсник Ники?

– Вы из этого купе? – спрашивает он у меня. Я киваю и отворачиваюсь.

Мужчина подходит ближе, становится рядом. Меня обдаёт жаром его тела, нос щекочет от его запаха: горячей, загорелой кожи, пота, дезодоранта. Всё в одном.

– Не торопитесь возвращаться, – он не спрашивает, констатирует. – Вам неприятна компания, собравшаяся в вашем купе?

Я закатываю глаза, ничего не отвечая. Тогда он продолжает:

– Я велел им разойтись после одиннадцати.

Резко поворачиваюсь к нему.

– Велели? Думаете, они вас станут слушать?

– Конечно, станут. Я – спасатель, сопровождаю вашу туристическую группу.

Инструктора я видела, он сидел с нами, и Ника его представила. А вот то, что будет ещё кто-то, не упоминала. Поэтому я немного настороженно смотрю на мужчину.

С лёгкостью угадывая мои мысли, незнакомец коротко усмехается и говорит:

– Я вошёл в вагон за две минуты до отправления поезда, еле успел. Еду в одном купе с Виктором, вашим инструктором. Он, кстати, тоже спасатель, мой коллега.

– Хорошо. – пожимаю я плечами. – Буду знать. Могу поинтересоваться, как же вас зовут, спасатель?

– Глеб. – улыбается он. – Глеб Денисович Давыдов, спасатель второго класса, МЧС России.

– Глеб, – протягиваю я. В моём окружении не было человека с таким именем. Оно одновременно звучит твёрдо и мягко и невероятно подходит к образу незнакомца. – Красивое имя, мне нравится.

– Разрешите и мне поинтересоваться, милая сударыня, как вас зовут? – спрашивает он.

Я закусываю губу. Губы так и норовят расползтись в улыбке. В его словах мне чудится флирт, и это – внимание мужчины – впервые не пугает меня до чёртиков.

– Лада.

– Красивое имя, мне нравится, – усмехается он, возвращая мне мои же слова. – Невероятно подходит к невероятному цвету ваших глаз и к вашей невероятной, чарующей улыбке.

Щёки вспыхивают, как алое знамя на ветру. Он же не может говорить серьёзно? Что это – насмешка или развод?

– Ну же, Лада! – говорит Глеб, снова каким-то образом угадывая мои мысли. – Это простая констатация факта. Прекрасные девушки не должны смущаться из-за комплиментов, тем более, когда они лишь отражают суть. У меня отличная идея! Идёмте пить чай в наше купе! Зачем вам стоять в проходе и ждать, когда стукнет одиннадцать и все вернутся по своим местам?

Я бросаю взгляд на часы. Почти девять. Что ж, стоять здесь несколько часов мне бы не хотелось, но и идти с незнакомым мужчиной в его купе, где находится ещё один взрослый мужчина, мне страшно. Как же всё сложно!..

Но Глеб с лёгкостью понимает моё молчание и заверяет:

– Я – спасатель, Лада. Спасать людей – это наша работа. Спасать, а не причинять им вред. И я не хочу вам навредить. И вы большая молодец, что не доверяете первому встречному. Вам будет спокойнее, если я пообещаю, что купе будет открыто всё время, пока вы будете находиться внутри? Или мы можем прогуляться до вагона-ресторана...

– Хотите пригласить меня? – спрашиваю свистящим шёпотом. Во рту так сухо, словно это пустыня.

– Если этого хотите вы, – усмехается Глеб.

С губ слетает нервный смешок:

– Думаю, так мне будет спокойнее!

К моменту, когда Глеб провожает меня обратно к нашему с Никой и другими девочками купе, мы успеваем перейти на “ты”, а все мои страхи и смущение рассеиваются стараниями мужчины.

Он совсем не похож на моих долбанутых одноклассников, не похож даже на однокурсников Вероники. И дело, конечно, не в развитой мускулатуре крепкого, совершенно не юношеского тела! С ним я забываю о стеснении, о страхе, что каждая неловкая фраза будет высмеяна и опошлена. Он видит во мне человека, интересного собеседника, красивую девушку, и я вижу, что ему действительно интересно всё, о чём он спрашивает, а не задаёт мне вопросы, чтобы казаться заинтересованным и получить доступ к моим трусикам.

По крайней мере, такие чувства я испытываю рядом с ним. Ошибочны они или нет, я не знаю. Как и не знаю, можно ли доверять своим чувствам. Поэтому решаю пока просто наблюдать за развитием событий. Я не из тех, кто готов пуститься во все тяжкие с первым встречным, пусть и таким обаятельным, хорошим. И пусть мне кажется, что он такой и есть, я не собираюсь расслабляться ни на мгновение, не собираюсь забывать, что у взрослого мужчины куда больше опыта по части соблазнения, чем у любого смазливового парня, с которым я когда-либо ранее была знакома. Поэтому особенно важно держать ушки на макушке и не упустить тот момент, когда он проявит своё истинное лицо.

Ну а пока, за неимением другой нормальной компании, я буду наслаждаться его обществом.

– До завтра, Лада! – улыбается мне Глеб, и я улыбаюсь в ответ.

– До завтра, Глеб!

Несмотря на то, что все давно разошлись по своим купе и девочки давно спят, мне не спится. Я не могу перестать прогонять в памяти диалоги, сотни или даже тысячи обрывков фраз, пытаюсь разгадать какой-то тайный смысл лёгкости, возникшей на душе.

На рассвете в дверь тихонечко стучат. Я спускаюсь с верхней полки и отпираю замок, стараясь не разбудить соседок. В образовавшейся щели вижу Глеба. Мужчина стоит с двумя стаканами в ажурных подстаканниках и улыбается.

Я распахиваю дверь, ёжась от утренней свежести, засовываю босые ноги в кеды и выскальзываю в коридор, плотно прикрывая дверь купе.

– Доброе утро! – приветствует меня Глеб. – Прямо чувствовал, что ты уже не спишь!

– Да? – с сомнением спрашиваю у него.

Неудобно стоять перед ним неумытой, нечесаной, во вчерашней одежде. Хотя я и почистила зубы на ночь, сейчас всё равно ощущаю дискомфорт из-за возможного утреннего дыхания, тогда как мужчина, судя по всему, успел совершить все необходимые утренние ритуалы. А ещё его, вероятно, ничуть не смущает мой внешний вид и внутренние переживания.

– Да, – кивает он. – Приглашаю тебя на свидание за чашечкой кофе.

– Свидание? – тихо охаю я. – Настоящее свидание?

– А ты против? – прямо спрашивает Глеб. – Не мастак я ходить вокруг да около, привык называть вещи своими именами. Поэтому, да, Лада, ты мне нравишься и я зову тебя на свидание.

ние. Это ни к чему тебя не обязывает, просто я хочу, чтобы ты изначально правильно поняла мои намерения.

– Ого, Глеб Денисович! Вот так вот сразу юную девушку и на свидание? – присвистываю я, не зная, как относиться к такой прямоте.

– Это ни к чему тебя не обязывает, – ещё раз говорит Глеб. – Я не собираюсь ни к чему тебя принуждать. И точно не собираюсь тащить в койку после первого свидания за чашечкой кофе! – Он подмигивает, протягивая мне один из стаканов. – Обычное свидание. Просто общения ради.

Я поджимаю губы, чтобы не рассмеяться, но всё-таки прыскаю:

– Это будет самое неожиданное и нелепое свидание в моей жизни!

– И самое запоминающееся, – улыбается Глеб, ещё не догадываясь, как сильно он окажется прав.

А может, он заранее знал всё наперёд, когда задумал позвать меня на это свидание?

Мы выходим в тамбур, и Глеб подзывает меня к окну. Мимо проносятся леса, поля, редкие населённые пункты, небольшие речушки и водоёмы, но я смотрю лишь на отражение мужчины, чей взгляд точно так же изучает моё отражение.

– Граждане пассажиры, освобождаем проход! – отрывает нас от важного занятия проводница.

– Остановка? – спрашиваю я у неё.

– Канаш-1, время стоянки 15 минут, – объявляет женщина.

Глеб с интересом смотрит на меня.

– Хочешь размяться?

– А можно? – с сомнением спрашиваю я.

– Конечно, – пожимает он плечами. – Подожди минутку, ладно?

Я киваю, и мужчина торопливо уходит. Поезд замедляется, ещё некоторое время практически ползёт мимо промзоны на окраине города, мимо частного сектора. Глеб возвращается. Часто переглядываясь и улыбаясь друг другу, мы дожидаемся, пока поезд затормозит и проводница откроет дверь.

Следом за проводником на низкую платформу сходит Глеб. И протягивает мне руку. Я осторожно вкладываю пальцы в его ладонь и ступаю по ступенькам поезда.

На часах около половины шестого. На станции пустынно, если не считать нас, вышедших из вагонов проводников и редких пассажиров.

– Пирожки домашние, отварная картошечка, не желаете? – спрашивает, бросаясь в нашу сторону, старушка, одна из тех, кого я приняла за пассажирку.

– С чем пирожки? – вежливо интересуется Глеб.

– Картошка, капуста по пятьдесят, беляш с мясом за сто, с повидлом – сорок.

– Хочешь что-нибудь? – спрашивает мужчина у меня.

– Бери, дочка, свежий завтрак, только из печи, – уговаривает старушка.

Мне неудобно отказываться, и я киваю:

– Давайте. Два с капустой, – запинаюсь. Поразмыслив, исправляюсь: – Четыре с капустой, четыре с повидлом. Ой, только я деньги в вагоне оставила, сейчас...

– Я взял, Лада, – отмахивается Глеб. Он заказывает ещё пирожков, видимо, тоже с расчётом на соседа, инструктора Виктора. Расплатившись, спрашивает у бабушки: – А мороженое в это время можно где-то купить?

Она указывает через пути. У здания вокзала сидит ещё одна старушка, и Глеб, вручив мне пакеты с пирогами, бросается туда.

Я, немного взволнованно, наблюдаю за ним. Страшно, что поезд тронется, уедет без нас. Ещё страшнее, если Глеб останется здесь, а я уеду...

Но вот он бежит обратно, и я различаю в его руках мороженое и... букет пионов.

С довольной улыбкой мужчина подлетает ко мне как раз в тот момент, когда проводница зовёт всех вернуться в поезд.

– Это тебе, – говорит Глеб, протягивая мне букет.

Я смущена и удивлена. С осторожностью, с недоверием принимаю цветы и краснею.

– Зачем?.. – лепечу я, пока он втягивает меня в тамбур. – Не нужно было тратить деньги... Завянут же...

– Я же сказал, что у нас свидание! А какое свидание без цветов? – усмехается он.

Я опускаю лицо в роскошные шапки цветов, пряча между прохладными ароматными лепестками пылающие щёки и глупую счастливую улыбку во весь рот.

Больше двух суток в пути, долгая дорога на автобусе, длительный поход до первого кемпинга были бы изнуряющими, если бы не одно “но”. Я влюбилась.

Это произошло столь неожиданно, внезапно, что я даже сама не заметила, как это произошло. То ли в тот момент, когда стояла рядом с Глебом, вдыхая аромат цветов, то ли когда он позвал меня в своё купе и мы несколько часов разгадывали сканворды, то ли во время походов в вагон-ресторан, то ли когда мужчина с видом доброго волшебника доставал из-за спины небольшие подарки или угощения после каждой крупной остановки поезда, хотя вроде бы был всё время на виду... Я не знаю. Я просто поняла, что влюбилась. Осознала так же ясно, как знала своё имя, знала, как дышать.

Ника лишь загадочно улыбалась, глядя на меня. А сам виновник торжества улыбался вполне понятно – так же, как я.

Несмотря на огромную по моим меркам разницу в возрасте – почти одиннадцать лет! – Глеб не торопил события. Редкие робкие прикосновения происходили вынужденно – подать руку, приобнять в тесном проходе, невзначай подставить руку под голову, чтобы я не зашиблась; или и вовсе случайно – прикоснуться пальцами во время движения или за столом, столкнуться лбами, склонившись над журналом кроссвордов одновременно. Оттого близость мужчины мной воспринималась особо остро, а каждое прикосновение оставляло яркое пряное послевкусие. Мне хотелось большего. Моё тело жило своей жизнью, губы саднило и покалывало от жажды поцелуев. Но Глеб держался подчёркнуто вежливо, хотя его мужской интерес читался явно и однозначно. Рядом с ним я чувствовала себя особенной, рядом с ним я была особенной. И очень быстро это заметила вся наша небольшая туристическая группа.

Когда мы наконец прибываем на конечную точку нашего маршрута – на площадку для кемпинга на территории базы отдыха “Утёс над Катунью”, ребята под руководством Виктора и Глеба устанавливают палатки достаточно далеко от других групп, но в достаточной близости друг к другу. Мы с девочками изучаем территорию, находим туалеты и краны с питьевой водой у административного корпуса, ставим поздний ужин на костре.

Позже сидим с металлическими мисками вокруг костра. В тёмном небе столько звёзд, и кажется, словно до них можно дотянуться рукой!..

Мне на плечи мягко опускается тёплая куртка, и я удивлённо оборачиваюсь. Хотя чему удивляться, если Глеб быстро проглотил свою порцию и куда-то отлучился?

Мужчина несильно сжимает мои плечи и улыбается.

– Не мёрзни, Лада.

– Спасибо, – улыбаюсь я в ответ.

Глеб возвращается на своё место, а ко мне придвигается Ника.

– Ладка...

– Ладка-лошадка! – ржёт придурок из числа однокурсников подруги, тот самый, что подкатывал ко мне в начале поездки, Рома, кажется.

– Фу, как грубо, Ромашка! – цыкает на него Вероника. – Можно же что-то и помилее придумать, если голову включить!

– Например, что? – продолжает глумиться парень. – Автоваз? Лада Калина? Лада – весенняя прохлада? Ладон – ган...

– Мармеладка, – перебивает его Глеб. – А ты, по всей видимости, Ромашка – вредная букашка?

– Да он не просто букашка, – со смехом вклинивается в разговор Лена. – А самая настоящая какашка!

Все прыскают, и я в том числе. Когда разговор возвращается в привычное русло, Ника снова шепчет мне:

– Эй, Лад, слушай, я спать иду, башка разболелась. Ты со мной?

– Наверное, приду попозже, – отвечаю ей, стреляя взглядом в Глеба, тихо разговаривающего с Виктором.

– Понимаю, – вздыхает подруга. – Слушай, Глеб, конечно, жутко классный и все дела, но ты же не собираешься с ним переспать в ближайшее время?

– С ума сошла? – обиженно фыркаю я. – Мы же только познакомились!

– Я вижу, как между вами искрит, Лад, и опыта у меня побольше будет.

– На целый год? – прыскаю в ответ на её слова.

– На целых трёх парней, дурёха! – тычет она мне в ребро. – Я просто не хочу, чтобы твоё глупое сердечко впоследствии оказалось разбитым, Лада.

– Мы просто общаемся, – спешу заверить подругу. – Отдавать девственность первому встречному никогда не входило в мои планы, тебе ли не знать?

Ника звонко целует меня в щёку и шепчет: “Не заблудись!”. Она уходит, и я сразу начинаю корить себя, что не ушла вместе с ней. Но недолго. Место подруги занимает Глеб, и все тревоги отступают.

Виктор велит всем долго не засиживаться и уходит в свою палатку. Постепенно разбредаются парочки и девчонки, уходят несколько ребят. Один из парней начинает брэнчать на гитаре, а я всё чаще зеваю.

– Лада, ты совсем устала, – замечает Глеб. – Давай я провожу тебя до палатки.

– Хочу ещё побыть с тобой, – тихо говорю ему.

– Может, тогда мне стоит составить тебе компанию? – с усмешкой спрашивает он.

Во рту пересыхает. Он предложил... что?!

Видимо, испуг явно читается на моём лице. Глеб поспешно добавляет:

– Я предлагаю только полежать с тобой. В отдельных спальных мешках. Безо всяких подтекстов, Лада. Если этого хочешь ты.

– Хорошо, – облизывая губы, киваю ему. – Я хочу.

Глеб помогает мне перетащить некоторые вещи из нашей с Никой палатки до своей. Провожает по всей территории базы отдыха и терпеливо ждёт, пока я схожу в туалет и почищу зубы. Сам справляется с этим гораздо быстрее, но ни слова мне не говорит. Хотя, я думаю, с лёгкостью понимает, что я попросту тяну время.

И вот, наконец, мы оказываемся в палатке. Она достаточно просторная для нас двоих, но всё же более тесная, чем любое место, где мы прежде оказывались наедине.

Глеб дожидается, пока я не улягусь, накрывает меня дополнительным одеялом и ложится рядом. Гасит фонарь.

Моё сердце бьётся так оглушающе громко, что он наверняка отчётливо слышит каждый его стук.

Глеб ворочается, ложится набок, разворачиваясь лицом ко мне.

– Удобно устроилась? Тепло тебе, Лада?

– Да, всё супер, – отзываюсь я.

– Хорошо, – улыбается он. – Если проснёшься ночью – неважно зачем, обязательно разбуди меня, одна не ходи.

– Ладно, – соглашаюсь и тихо вздыхаю. – Обычно я сплю крепко и спокойно до самого утра.

– Со мной ты в безопасности, Лада, – серьёзно говорит мне мужчина. – Я никогда не причиню тебе зла.

Вместо ответа я зеваю и шепчу:

– Спокойной ночи, Глеб!

Устало прикрываю глаза, но сон не наступает мгновенно. Некоторое время я наблюдаю за мужчиной сквозь полуопущенные ресницы, но ничего не происходит. Он просто смотрит на меня. Точнее, не “просто” смотрит. Скорее, любит.

– Спокойной ночи, Лада, – шепчет одними губами.

А потом он тянется вперёд и невесомо целует мой лоб.

Меня затапливает лавиной нежности. Повинуясь внезапному порыву, я высовываю из-под одеяла руку и делаю то, о чём столько мечтала: провожу пальцами по слегка шершавой и колючей от щетины щеке. Мужчина льнёт лицом к моей ладони, бегло целует самый её центр, касаясь губами кончиков каждого пальца. Я замираю, испытывая трепет, волнение, невесомость, полёт бабочек.

Широкая и грубая ладонь оглаживает контур моего лица. Большой палец очерчивает губы и резко исчезает.

Глеб смотрит пытливо, словно решает в голове сложную задачу, и тогда я сама тянусь к его губам.

Наш первый поцелуй прекрасен. Нежный, мягкий, неторопливый, настолько правильный, что я испытываю облегчение. Глеб обнимает меня ручищами, притягивая к себе, и целует-целует-целует, словно нет в целом мире занятия важнее.

Но постепенно поцелуй сходит на нет. Глеб целует уголок моих губ, щёку, скулу, висок, медленно опускаясь на подушку.

– Я знал, что твои поцелуи будут слаще, чем мёд, – улыбается он. – Спи, моя Мармеладка... Доброй ночи!..

Я утыкаюсь в него, пряча смущённое, пылающее лицо. Сердце поёт, танцует, ликует. И сердце мужчины стучит с ним в унисон.

Сейчас

Глеб тянется вперёд и нежно целует мой лоб.

Слёзы всё явственнее подступают к глазам, но я пока могу сдерживаться.

Быстро достаю руку из-под одеяла и делаю то, о чём мечтала невероятно долго: касаюсь кончиками пальцев густой, ухоженной бороды, ныряю в неё, добираюсь до кожи...

Глеб льнёт к моей ладони, целует самый её центр. Касается губами кончиков каждого из пальцев. Его руки обхватывают мою голову, пальцы путаются в волосах, и я тянусь к его губам.

Он не мешкает. Ни секунды на сомнения; он встречает мои губы на полпути. Нежность, страсть, облегчение прошибают словно током. Ненасытный поцелуй пьянит, сводит с ума, ранит и воскрешает. Это самое правильное, самое прекрасное, самое невероятное, что только могло случиться.

– Лада... Ладушка... Мармеладка моя... – бессвязно шепчет он в те наносекунды, когда мы прерываемся, чтобы делать крошечные вдохи. – Мармеладная моя девочка...

Не ведая, что творю, начинаю тянуть с Глеба кофту, но неожиданно встречаю сопротивление. Мужчина обхватывает мои руки, отрывается от моих губ. Дышит тяжело, словно раненое животное.

Смотрит прямо мне в глаза, делая частые, глубокие вдохи и протяжно выдыхая.

А потом резко поднимается и, не говоря ни слова, убегает... Подальше от меня.

Тщательно сдерживаемую весь день плотину слёз прорывает, и я с тихим скулежом начинаю рыдать, рассыпаясь от боли на осколки, на частицы, на молекулы.

Глава 7. Глеб

Вырвавшись на холодный воздух, сжимаю лицо рукой. Запах и вкус Лады заполнили все рецепторы, играют фантастическими нотками послевкусия поцелуя на языке. Вызывают тахикардию и каменный стояк.

Мне нельзя её касаться, нельзя целовать. Мне нельзя находиться настолько близко, чтобы снова был возможен срыв. Срыв моей решительности и взрыв гормонального фона.

Нервы на пределе. Хочется расколотить что-то. Хочется вернуться, до одури, лишая воли, разума, рассудка. Войти в дом. Войти в вожделенное тело. Неважно *как*, в каких позах, как долго это будет продолжаться. Чертовски привлекателен любой вариант, включающий меня и её.

Но вместо этого я торопливо убираюсь домой.

Заслышав, что я вернулся, Бимо семенит за мной на кухню. Я вываливаю в его миску корм, достаю из заглазника бутылку, за неимением в доме рюмок выставляю на стол граненый стакан.

Наливаю водки примерно на треть. Хлебаю жадно, словно огненная вода может помочь справиться с проблемами. Но мне прекрасно известно, что она не поможет.

С досадой поморщившись, убираю бутылку куда подальше и сам убираюсь, подальше от искушения напиться и забыться, хотя бы на один вечер. Падаю в кресло в зале. Бимка садится передо мной и смотрит понимающе.

– Не знаю я, ясно? – со злостью говорю ему. – Не знаю я, как решить этот вопрос!

Отвожу взгляд, лишь бы не видеть чересчур внимательных пуговок глаз. Докатился, твою мать!.. Глаза натыкаются на сервант, откуда с немим укором взирает с траурного снимка Аня.

Чёрт возьми! Ну почему всё обязательно должно быть так сложно? Мне невыносимо смотреть в глаза жены, пусть даже они теперь всего лишь отпечатаны на фотографии.

Резко поднявшись, сдвигаю стекло в сторону и достаю рамку. Открываю первый попавшийся ящик и запикиваю фото туда, подальше с глаз. И почти не испытываю угрызений совести по этому поводу. Их вполне хватает по всем остальным.

Например, полная, абсолютная невозможность устоять перед Ладой. Если бы сегодняшняя ситуация повторилась сотню или даже тысячу раз, я бы не смог сдержаться каждый из них. Невзирая на собственные убеждения и данное самому себе слово, что я не заслуживаю ни намёка на счастье и личную жизнь.

Пять лет назад я был раздавлен, разбит, ненавидел Ладу. Тогда я и представить не мог, что когда-либо снова встречу её. А уж ситуация, как это произошло, и вовсе не пришла бы в голову ни одному здравомыслящему человеку.

Тогда, зная, что *никогда* не встречу Ладу, что у меня *никогда* не появится искушения её целовать, желать большего, что у меня *никогда* не будет возможности реализовать это желание, конечно, я с лёгкостью мог пообещать себе больше никогда не заводить каких-либо отношений с противоположным полом. Как бы я не ненавидел свою любовь к этой девушке, так же я знал: любовь никуда не денется. Ни случайный секс, ни алкоголь, ни поспешная женитьба, ни рождение детей, ни ответственность за семью со всеми вытекающими последствиями не смогли вытравить из памяти хрупкий образ моего единственного счастья, моей единственной любви.

Однажды мама сказала: «Когда ты встретишь женщину, с которой захочешь провести всю свою жизнь, ты сразу это поймёшь». Она оказалась права. Несмотря на здоровый скептицизм, какой только бывает у молодого мужчины на пороге тридцатилетия, я сразу понял, что встретил её. Стоило мне бросить один-единственный взгляд на Ладу, как земля ушла из-под ног, из груди словно выкачали весь воздух, из моей вселенной пропали все остальные женщины, потому что всей моей вселенной стала она одна.

Я никогда не любил прежде, даже не влюблялся. Испытывал симпатию, какие-то личные предпочтения, но никогда не испытывал такого. Никогда даже не думал, что так бывает. Никогда не верил в любовь с первого взгляда, считая это не иначе, чем романтическими бреднями. Но это произошло со мной в самом неожиданном месте, где я и оказался лишь по случайности, в последний момент подменив коллегу, так не вовремя сломавшего руку. Поездка испортила мне планы на отпуск, но подарила мне счастье, любовь, новый смысл жизни. Возможно, такое случается с одним на миллион или даже на миллиард, возможно, так не бывает вовсе. Но я встретил Ладу и сразу почувствовал: это *она*. Та, с кем я проведу всю свою жизнь. Та, о которой говорила мне мать.

Слишком молодая, совсем девчонка; с которой я не знал, что делать, слишком боялся спугнуть, заговорить боялся, но знал, что однажды она станет моей женой, иначе жизнь пройдет впустую.

Выныриваю из прошлого, когда Бимо утыкается головой в мою ногу. Он жалобно скулит, не понимая моего подавленного состояния. Я опускаюсь на колени, обнимаю пса и долго перебираю пальцами шерсть.

– Ну что ты, малыш? Испугался? – спрашиваю у него. – Прости меня, дружок, ладно? Придумаем что-нибудь. Найдём правильное решение.

Но ни на следующий день, ни даже к концу недели я не могу нащупать верных ответов на многочисленные вопросы, главным из которых остаётся всего один: что мне делать с Ладой, которая перекочевала из нескончаемого потока мыслей напрямик в домик напротив.

Я знаю, как *правильно*. Нужно рассказать ей всю правду о нашем знакомстве, о её браке, который окончился у подножья скалы. Однажды она уже выбрала не меня, один случайный поцелуй не даёт мне права лишать её выбора и возможности принять собственное решение. Но страх – реальный, осязаемый страх, что этот выбор может привести к настоящей беде, – заставляет меня держать все признания глубоко внутри.

Я знаю, что лишь с натяжкой можно считать, что это – единственная причина для моего молчания. Мне эгоистично хочется видеть её здесь, рядом, так близко. Хочется, чтобы это время длилось вечно. И страх – реальный, осязаемый страх, что она узнает правду и снова исчезнет из моей жизни, – заставляет меня молчать.

Я знаю, что оставаться наедине с ней опасно, поэтому избегаю встреч. Успокаиваю себя тем, что ребята из отряда не бросят её, помогут. Но сам не решаюсь. Лада делает меня слабым. Я сорвусь, непременно сорвусь. А потом буду винить себя, что воспользовался её состоянием в своих эгоистичных целях. А потом, когда Лада узнает правду, то возненавидит меня за эту слабость, не простит того, что я, зная правду, скрывал её и таким образом манипулировал девушкой.

Все эти дни я малодушно скрываюсь, прячусь, не хожу в столовую. Новости узнаю у Марины или Кольки – они в достаточной мере словоохотливы и не задаются вопросами относительно моего интереса. И, что немаловажно, им не интересно, почему у меня вообще имеется интерес и почему я не узнаю всё у самой новенькой.

Я знаю, что Лада вышла на работу. Готовит завтраки, обеды и ужины. И у неё, если верить Кольке, неплохо это получается. Марина же, как женщина, подмечает детали иначе. Она говорит о затухающим с каждым приёмом пищи взгляде новенькой, правда списывает это не на моё отсутствие, а на хандру или хворь. Но именно мысль, связывающая ухудшающееся состояние Лады с тем, что я её избегаю, первой приходит на ум.

Нужно что-то делать, как-то объяснить и поцелуй, и свой побег, но я не могу найти в себе сил на этот разговор. Что я должен ей сказать? Что поцелуй был ошибкой? Соврать, что я жалею о нём, словно это не самое лучшее, что случилось со мной за последние если не десять, то пять лет точно? Убедить, что мы не можем быть вместе, что я в этом не нуждаюсь, когда

она необходима мне как воздух? А если не врать?.. Тогда мне придётся вывалить на неё всё и будь что будет?..

В полной задумчивости я подхожу к окну и изучаю её дом, погруженный в темноту. Где Лада? Работа должна была закончиться ещё час назад... Задержалась где-то? Не будь кретином, гдездесь можно задержаться? В пробке? В очереди в супермаркете? Заехать в бассейн? Посетить фитнес?

Я усмехаюсь, как последний придурок. Если Лада и задержалась, то вовсе не “где”, а “с кем”!

– Бимка! – зову я пса. Слышу цокот коротеньких лап по линолеуму и говорю: – Пойдём-ка прогуляемся, дружок!

Он радостно растягивает пасть в подобие улыбки и вертит задом: такое приключение ему вполне по душе.

Но в тот момент, когда я, обувшись, торопливо накидываю куртку, раздаётся тихий и робкий стук в дверь.

– Глеб, – доносится до меня голос, от которого мгновенно закипает моя кровь. – Это я, Влада. Я вижу, что вы дома. Пожалуйста, Глеб... Я просто хочу извиниться...

Я распахиваю дверь.

В тусклом свете, льющемся из коридора, стоит Лада. Она смущённо – так потрясающе! – улыбается, и этот вид завораживает, приковывает всё моё внимание. Я не сразу понимаю, что она говорит.

– Мне очень стыдно перед вами, Глеб. То, как я поступила, было некрасиво, даже подло. – тараторит она. – Вы были так добры ко мне, а теперь – избегаете, испытываете отвращение за мою несдержанность... Сама не знаю, что на меня нашло. Это было так... низко! словно я какая-то распутница... Я места себе не находила, понимая, что вы теперь не желаете меня видеть. Меня мучили угрызения совести, и я больше не могла их терпеть. Поэтому решила испечь вам мясной пирог и извиниться, что... – Она забавно округляет глаза и добавляет шёпотом, словно кто-то может услышать и осудить её: – Повела себя, как похотливая самка, и вешалась на вас.

– Решила, что я тебя избегаю из-за отвращения? – присвистываю я. Выхожу за порог, быстро смотрю в сторону дороги и втягиваю девушку в свой дом. – А если совсем наоборот? – Заглядываю в её глаза, чуть склоняя голову ниже. – Если я, напротив, счёл, что повёл себя несдержанно и некрасиво по отношению к тебе, и избегал встреч только по *этой* причине?

– Не понимаю, – тихо вздыхает Лада, хмурия бровки. Терзает зубами нижнюю губу. – Я вас поцеловала...

– Технически это я тебя поцеловал. Потому что *хочу* тебя целовать.

– Не понимаю, – снова вздыхает Лада. Пуще прежнего кусает губу, вызывая у меня улыбку.

Краем уха слышу удаляющийся осуждающий топот лап Бимо, который словно отбивает: ну и гад ты, хозяин, позвал гулять, а сам стоишь тут с незваной гостьей!..

– Да чего же тут непонятного? – спрашиваю, едва сдерживая усмешку. Стремительно сокращаю расстояние между нами и шепчу ей в самые губы: – Хочу тебя целовать.

Глаза Лады расширяются, с губ слетает взволнованный вздох, и мне нестерпимо хочется её поцеловать. Но я лишь перехватываю блюдо с пирогом и мягко тяну из её рук, медленно отстраняясь.

– Но не думаю, что имею на это право, – говорю ей.

– Я не буду против, – торопливо бросает мне девушка.

– Ты успела поужинать в столовой?

– Что? – хмурится она.

– Ты уже ужинала? Составишь мне компанию? – терпеливо поясняю. – Если поела, могу предложить чай. У меня вроде есть какие-то конфеты. Пройдёшь или так и будешь стоять на пороге?

– Хорошо, я пройду, – кивает она, немного обиженно поджимая губы.

– Мы вернёмся к разговору о поцелуях, – обещаю ей. – Чуть позже.

Девушка смотрит непонимающе, но больше я ничего не добавляю. Не знаю, как подступиться к разговору о прошлом, как обезличенно рассказать ей о нас, о её замужестве, обо всём. И главное, как поведать о своих подозрениях, как безэмоционально сказать, что тот, кого она выбрала вместо меня, просто избавился от неё. И сделает всё, чтобы правда никогда не всплыла, в этом я уверен.

Ставлю чайник, ставлю на печь пирог и говорю Ладе:

– Располагайся, я выйду буквально на пять минут с Бимо.

Девушка кивает, проходя в кухню. Я кличу пса, распахиваю для него дверь и выхожу следом.

На улице темно, свежо и безлюдно. Здесь, на краю посёлка, кажется, словно в целом мире не осталось больше никого. Только я, Бимо, а теперь ещё и Лада. Идеальная картинка из прошлого, таким когда-то виделось будущее. Но до безусловного спокойствия и безмятежного счастья ещё слишком далеко. Да и будет ли оно, счастье, или Лада промелькнёт ослепляющей вспышкой над горизонтом моей жизни, чтобы снова раствориться во времени и пространстве?

Бимка семенит до калитки, и я говорю:

– Бимо, может, не сегодня? У тебя в гостях такая очаровательная девушка, которая готова тебя тискать и целовать, а ты уходить от неё собрался?

Пёс смотрит с любопытством, но не торопится ко мне.

– А знаешь, что Лада нам принесла? – продолжаю словно между прочим. – Мясной пирог! Настоящая вкусняшка, которую тебе нельзя, но Лада об этом не знает. Уверен, она даст тебе попробовать кусочек!

Бимо наостряет уши, медленно подкрадывается ко мне, внимательно приглядываясь, словно решает, можно доверять моим словам или нет.

И тогда я добиваю его ещё одним заманчивым обещанием:

– А я, так и быть, сделаю вид, что не замечаю, как Лада тебя подкармливает, и не стану говорить, что тебе такое есть нельзя. Хочешь?

Бимка припускает к двери, и я, довольно усмехаясь, тороплюсь вернуться в дом.

Едва войдя внутрь, я пытаюсь ухватить пса за ошейник, чтобы вымыть лапы, но отвлекаюсь на свист кипящего чайника. Чертыхнувшись себе под нос, выпускаю сопротивляющегося Бимку, и он улепётывает подальше от меня. Наверняка, решил, что это забавная игра, и сейчас уже топчется по кровати!..

Скинув ботинки, выключаю чайник и отправляюсь на поиски Лады. Грешным делом мне в голову даже закрадывается мысль, не привиделась ли она мне, существует ли на самом деле. И я выдыхаю с облегчением, когда обнаруживаю её в зале. Но облегчение длится недолго, ровно до того момента, как до меня не доходит, что Лада сосредоточенно разглядывает за стеклом в стареньком серванте.

Вздыхая, я подхожу к ней и тихо говорю:

– Чайник закипел.

Лада вздрагивает. Резко оборачивается.

На её лице читается ужас.

– Вы женаты? – спрашивает она. – А это – ваши дети?!

Перевожу взгляд на фото, испытывая щемящее чувство в груди. Два белокурых ангела в пышных платьицах на моих руках. В этот день им исполнилось четыре. Хохотушка Яна и царевна-несмеяна Аля. Такие разные, такие непохожие, как и их родители, я и Аня.

– Я *был* женат, – говорю Ладе. – Сейчас нет. Это мои дочери.

– Очаровательные малышки, – отзывается она. Бегло осматривает комнату и хмурится.

– Они здесь не бывают? Вы с ними не общаетесь?

С трудом проглатываю вязкий ком сожалений и боли – моих вечных спутников на протяжении пяти с лишним лет, и отвечаю:

– Они с матерью. Слишком далеко... – На миг прикрываю глаза, останавливая подкатывающие слёзы. – Навещаю, конечно, когда бываю в тех краях.

– Как их зовут? – спрашивает Лада. – Сколько у них разница в возрасте?

– Разница у них всего в несколько минут. Янина и Алевтина – двойняшки. Яна больше похожа на маму, а Алька – на меня.

Лада поворачивается ко мне. На её лице явно читается печаль, и на миг мне кажется, что она *знает*. Хотя откуда? Даже если бы она помнила меня, сомневаюсь, что её когда-либо интересовала моя судьба. Из нас двоих только я цеплялся за счастливые воспоминания, которые лишь разрушали мою жизнь, пока не уничтожили всё и всех.

– Вы скучаете по ним, – тихо говорит Лада. – Я слышу, с какой тоской вы о них говорите, и в моём сердце разливается такая же печаль. Словно мне знакомо это чувство тоски по своему ребёнку.

– Думаешь, у тебя остался ребёнок? – хватаюсь за возможность перевести тему. – И ты теперь скучаешь по нему?

– Нет, немного другое чувство... Скорее, словно его *больше нет*, – шепчет Лада, глядя прямо мне в глаза.

Словно под дых ударяет. Из груди разом пропадает весь воздух. Кое-как я беру себя в руки и предлагаю:

– Пойдём пить чай. Я обещал Бимо, что ты угостишь его кусочком пирога, и боюсь, если не сделать этого в ближайшее время, он расстроится!

Лада кивает. Я действительно рад возможности закрыть сложную тему, отложить хотя бы ненадолго. Я никогда и никому не рассказывал о своих мыслях и чувствах после случившегося. И никогда бы не подумал, что обнажать душу придётся перед Ладой, хотя она единственная, перед кем я могу и готов рассказывать обо всём. Но для того, чтобы она поняла меня правильно, мне придётся сначала рассказать ей всю правду о нас. А к этому я абсолютно не готов, но как-то начинать надо. Без прошлого нет будущего, как себя не убеждай.

– Какие чувства из прошлого ещё приходят к тебе? – спрашиваю между прочим, наливая чай.

– Не знаю, – закусывая губу, говорит Лада. – Вроде ничего особенного. Сейчас вот о детях разговаривали, стало тоскливо. Печёнку готовила и поняла, что терпеть её не могу. А во время нашего поцелуя...

Она резко замолкает и стремительно краснеет, вызывая у меня любопытство такой силы, что удержаться невозможно.

– Что ты почувствовала?

– Притяжение, желание... – Она нервно передёргивает плечами. – Думаю, это нормально, если говорить о мужчине и женщине в целом. Но навряд ли это можно назвать нормальным, говоря о мужчине и женщине в первый день знакомства.

– Бывает в жизни и такое, что любовь случается с первого взгляда, – замечаю я. Искренне, правдиво. – Может, и с нами произошло нечто такое?

– Ваша теория нравится мне гораздо больше моей! – смеётся девушка.

– И что же это за теория? – с усмешкой спрашиваю у неё.

– Ну мало ли! Может, я была девушкой гулящей и мне всё равно с кем?

Я начинаю смеяться, и Бимка прибегает на этот звук. Смотрит озадаченно, шокировано даже. Нечасто ему приходилось слышать мой смех!..

Лада отвлекается на пса. Утягивает со стола кусок пирога и опускает руку вниз. С совершенно счастливейшим выражением на наглой морде Бимо дефилирует к ней и сметает всё за три секунды. А я, как и обещал, закрываю глаза на эту маленькую шалость.

Позже, убрав всё со стола и припрятав остатки пирога в холодильник, подальше от бездонного желудка Бимки, я жестом приглашаю Ладу последовать за мной в зал.

Я сажусь на диван, предоставляя ей право выбора: устроиться рядом или в кресле напротив. Девушка немного смущённо садится рядом, в считанных сантиметрах от меня. Неестественно прямая, напряжённая, она теребит пальцами край толстовки, не решаясь заговорить. Я же, напротив, расслабляюсь. Откидываюсь на спинку дивана. Беру Ладу за руку и притягиваю к себе.

Лада осторожно устраивает голову на моём плече. Переплетая наши пальцы, я целую её макушку. Сидеть вот так рядом с ней мне уютно, тепло разливается внутри.

– Ты спросил, что я почувствовала... – тихо говорит Лада, резко переходя на “ты”. – Ну... во время нашего поцелуя. Было ещё кое-что, помимо притяжения и желания.

– Что именно? – спрашиваю у неё, понимая, что мы приближаемся к важному разговору. И оказываюсь прав.

– Облегчение, знаешь?... – Лада поворачивает лицо ко мне. – Словно так невыносимо долго этого ждала. Словно это самое правильное, что случилось в моей жизни. Твои руки, твои прикосновения, твой запах, твоё тепло, твои поцелуи... Всё было таким знакомым, таким родным. Я просто *знала*, что могу доверять тебе... Это сложно объяснить на словах. Я даже в своей голове не знаю, как это можно объяснить. Но рядом с тобой я... словно на своём месте. Видимо, теперь ты точно сочтёшь меня сумасшедшей!

Она заливисто смеётся, но мне не до смеха. На смену уюту и комфорту на душе разгорается пожар, сметающий всё на своём пути.

Я тяжело сглатываю и говорю:

– Не думала, вдруг мы были знакомы раньше?... Вдруг мы были близки?... Вдруг твои чувства – лишь отголоски прошлого?

– Прошрое... прошрое... – с сомнением протягивает Лада. – Не хочу я о нём ничего знать. Ты пойми, я чувствую, что оказалась на своём месте, чувствую лёгкость, чувствую счастье. А вдруг это происходит впервые в моей жизни, ты не думал? Возможно, я проживала её как узница, вынужденно заточенная в каких-то условиях, которые не приносили мне ни счастья, ни удовольствия. Меня никто не ищет. Может, и некому? А может, им это не нужно? Куда мне возвращаться, Глеб? В жизнь, которую я не помню? Ты знаешь меня? Ты знаешь, как я жила последний год, пять, десять лет? Ты можешь гарантировать, что там, в той жизни, я была счастлива?

– Нет. – отвечаю я на самый последний вопрос. – Я не знаю, как ты жила.

Я лишь предполагаю, что эта жизнь едва не оборвалась по желанию её мужа. Особым счастьем не пахнет.

По щеке Лады скатывается одинокая слеза. Я прослеживаю её путь до самых губ, пока девушка быстрым движением языка не слизывает её.

– Я ничего не знаю о прошлом. Не знаю, вспомню ли когда-нибудь хоть что-то, – говорит Лада. – Но я уверена, что мне совершенно не хочется возвращаться туда, где меня никто не ищет и не ждёт. Я знаю, что хочу остаться здесь и посмотреть, куда приведёт меня эта дорога.

– А если она приведёт тебя в тупик? Если в конце пути тебя будет ждать разочарование?

– А если нет? – философски замечает Лада. – Зачем-то я здесь оказалась, зачем-то встретила тебя. Ты же тоже чувствуешь это притяжение? Как его объясняешь себе ты?

Я задумываюсь, принимая одно из самых сложных и судьбоносных решений в своей жизни. Глубоко внутри я знаю, что не имею права замалчивать правду. Но Лада смотрит умоляюще, таким жалобным взглядом, что решение кажется мне очевидным.

– Может, это любовь с первого взгляда? – протягиваю наконец.

– Думаешь, так бывает? – спрашивает она.

– Знаю, что бывает. И я собираюсь поцеловать тебя, чтобы мы могли убедиться, что точно чувствуем *что-то*, – предупреждаю её. Зрачки Лады расширяются, губы призывно приоткрываются, и я стремительно сокращаю расстояние между нами. – Если ты меня не остановишь прямо сейчас.

Лада быстро подаётся вперёд, врезаясь в мои губы. Боль, горечь, сладость – всё перемешивается на стыке наших губ. В мыслях наступает гармония, больше нет неправильного решения, которое непременно аукнется мне в будущем. Есть только она, я и вспыхнувшая с новой силой моя любовь. *Наша любовь*.

Глава 8. Глеб

Обхватываю рукой женское тело. Расположив ладонь на пояснице, подтягиваю Ладугу предельно близко, и она перебрасывает через меня ногу и оказывается сверху. Седлает, прижимаясь промежностью к моему паху, и запускает пальцы в мои волосы.

Я скольжу руками под толстовку, касаюсь пальцами прохладной кожи, слегка давлрую на поясницу, вынуждая прижаться теснее, создать трение, утолить вспыхнувший голод.

У меня очень давно не было женщины. Ещё дольше – не было Ладуги. А теперь она тихо стонет в мой рот и трётся о внушительный стояк.

От этого сорвало бы любые тормоза – в случае, если бы они имелись. Но их в отношении Ладуги у меня нет. Поэтому я попросту отпускаю все запреты, все убеждения, все обещания самому себе. К чёрту!

Сжав в руке края толстовки и футболки, тяну женскую одежду наверх, на долю секунды отрываясь от её губ. Мельком изучаю реакцию: не передумала? не испугалась? Но глаза Ладуги лихорадоч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.